

Инна Инфинити

Инна Инфинити

Развод с мужем. После

«Литнет»

2024

Инфинити И.

Развод с мужем. После / И. Инфинити — «Литнет», 2024

— С меня хватит, Матвей. Я ухожу. — Юль, можно не пилить мне мозг? Я устал. Ложись в кровать и жди меня. Я сейчас приду к тебе. — Ты вернулся в час ночи, от тебя пахнет женскими духами, а на рубашке след от помады! — Это не то, что ты подумала. Заставляю себя поверить мужу. В очередной раз закрываю глаза на след от помады и шлейф от женских духов. Но когда на следующий день я тороплюсь в офис к супругу, чтобы сообщить о долгожданной беременности, то застаю его полуголым вместе с секретаршей. История Матвея, друга Сергея Холода из книги «Подари мне ребенка». Самостоятельная история, можно читать отдельно

Содержание

Глава 1. Это не то, что ты подумала	5
Глава 2. Долгожданное событие	8
Глава 3. Я похожа на дуру?	11
Глава 4. Доказательства	14
Глава 5. Руины	17
Глава 6. Бездушный	19
Глава 7. Принятое решение	21
Глава 8. От любви до ненависти	24
Глава 9. Конец навсегда	27
Глава 10. Работа	30
Глава 11. Дочь	33
Глава 12. Реанимация	35
Глава 13. Бизнесмен	37
Глава 14. Бывший муж	40
Глава 15. Случайная встреча	42
Глава 16. Вопросы	44
Глава 17. Подпиши	47
Глава 18. Ревность	50
Глава 19. Последняя капля	52
Глава 20. Порознь нам лучше	56
Глава 21. Она знала, как меня убить	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1. Это не то, что ты подумала

— Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Час ночи. Мужа нет. Злость на него сменяется паникой.

А вдруг с Матвеем что-то случилось!? Может, мне нужно не ему телефон обрывать, а в больницы и морги звонить!?

У меня прихватывает сердце. Опускаю на него руку и сползаю на пол по стенке. Горло стянуло колючей проволокой, слезы жгут глаза, а сознание подбрасывает самые страшные картины: муж попал в аварию, на него напали бандиты, на голову с крыши упала сосулька, поскользнулся на нечищенном тротуаре и свернул шею...

Господи, мамочки, только не это! Только бы с Матвеем не случилось страшного! Надо звонить в больницы. А как туда звонить? Куда звонить? По какому номеру искать? А в морги как звонить?

При мысли о морге мне становится еще хуже. Голова начинает кружиться, тело прошибает испариной, а во рту появляется сладковатый привкус. Воздуха не хватает. Я задыхаюсь.

Меня приводит в чувство громко хлопнувшая входная дверь.

— Юль, я дома!

Словно на адреналине, подскакиваю на ноги и мчусь в прихожую. Матвей. Живой и здоровый. Разуваётся, снимает куртку.

— Не спишь? — спрашивает буднично.

Срываюсь с точки и, в несколько шагов преодолев расстояние между нами, висну на муже.

— Матвей, — скулю ему в шею.

— И я по тебе соскучился, — слегка смеется и обнимает меня в ответ.

Делаю вдох и... тело парализует. Потому что мой муж пахнет женскими духами. Сладкими, даже приторными. Я их знаю. Нюхала недавно в парфюмерном магазине, когда выбирала себе новый аромат. У меня тогда от них голова разболелась. А сейчас не просто разболелась, меня натурально затошнило.

Отстраняюсь от Матвея, заглядываю в лицо. Присматриваюсь. Глаза блестят озорным блеском. Опускаю взгляд ниже и вижу на воротнике белой рубашки розовый мазок.

— Что это? — оттягиваю воротник и приглядываюсь внимательнее.

— Ты о чем?

Внутри все обрывается.

— Это след от помады! — восклицаю и поднимаю на мужа глаза. — Ты где был!?

— В баре. Я же тебе говорил, что в пятницу встречусь с друзьями.

Отшатываюсь назад.

— Когда говорил? Я не помню такого.

— В понедельник.

Ах да, говорил.

— Я же тогда сказала, что не хочу, чтобы ты с ними встречался! Ты и так постоянно на работе, а еще вечер пятницы тратишь не на меня, а на друзей!

— А я тебе ответил, что давно не видел друзей и хочу с ними встретиться.

— Давно!? Ты постоянно с ними в бары ходишь!

— Не постоянно, — отмахивается и проходит в ванную мыть руки.

У меня внутри все клокочет от гнева. Значит, в то время, как я терзалась переживаниями о состоянии Матвея, он развлекался с друзьями. С этими абсолютно аморальными типами. Я их знаю. Все не женаты. Даже в отношениях ни с кем не состоят. Только и делают, что снимают девушек на одну ночь.

— Почему у тебя выключен телефон?

— Разрядился, наверное.

Матвей спокоен как слон. Это распаляет меня еще сильнее. Он выходит из ванной и безмятежно шагает в сторону кухни. Я поспеваю за ним.

— А почему от тебя пахнет женскими духами и почему на рубашке след от помады!?

Нажав кнопку на чайнике, удивленно на меня смотрит.

— Понятия не имею. Ты уверена?

— Более чем! От тебя несёт тошнотворно-приторными духами, а на воротнике розовый след!

— Юль, успокойся. Я был в пивном баре. Там чем только не воняет.

— В пивном баре воняет женскими духами!?

— Там много посетителей. Женщины тоже были.

Меня трясёт. В прямом смысле трясёт от ярости и негодования. Сколько я ни бьюсь — все без толку. Матвей продолжает шляться по барам со своими дебильными друзьями. Это далеко не первый раз. Матвей регулярно так делает: уходит в загул на полночи, не отвечая на мои звонки. Это сейчас у него телефон сел. А в предыдущие разы он попросту не поднимал трубку, когда я звонила. И я прекрасно знаю, что в этих барах происходит. Друзья Матвея снимают себе девушек на одну ночь. А с ними и Матвей. Не на всю ночь, конечно, ему же нужно вернуться ко мне домой. А на час-другой.

— Ты считаешь это нормальным? — спрашиваю не своим голосом, привалившись к стене. — Уходишь в загулы с друзьями, когда я прошу этого не делать, не отвечаешь на звонки, приходишь домой в час ночи со шлейфом женских духов. И ведь это не в первый раз, Матвей. Далеко не в первый.

Спокойствию моего мужа позавидовали бы даже монахи в Тибете. Не глядя в мою сторону, Матвей бросает в кружку пакетик чая и заливает его кипятком.

— Я не понимаю, что ты от меня хочешь, Юль. Я предупреждал тебя, что в пятницу встречусь с друзьями.

— Но я же просила тебя не делать этого, а провести вечер со мной. Мы и так почти не видимся.

— Это с друзьями я почти не вижусь, а с тобой мы видимся каждый день.

Слова Матвея больно бьют меня словно пощечины. В понедельник муж и правда предупредил меня, что в пятницу после работы хочет провести время с друзьями. Я попросила его не делать этого. На мою просьбу Матвей тупо ничего не ответил. Ну я и подумала, что он меня послушал. Поэтому когда долго не приходил сегодня, надумала всяких ужасов. А оказалось... он просто веселился со своими дебильными друзьями, которых я терпеть не могу.

— Нет, это просто уму непостижимо. Я жду тебя, обрываю тебе телефон, который выключен, а ты даже не удосужился меня предупредить!

— Так я предупредил тебя в понедельник! Я же не виноват, что ты забыла.

— Это просто ни в какие ворота, Матвей! — выкрикиваю. — Мне надоело это терпеть! Ты постоянно где-то пропадаешь, тебя вечно не дождёшься! Тебе звонят какие-то бабы! В том числе по ночам! Ты поставил код на телефоне, чтобы я не смогла зайти! Ты проводишь вечера в барах с аморальными друзьями! Ты...

— Так, стоп! — громко гаркает, перебив меня. — Хватит вести себя как истеричка. Выпей успокоительного. Я не «где-то пропадаю», а работаю, деньги зарабатываю для нас вообще-то. И мне звонят не «какие-то бабы», а контрагенты по бизнесу. Представь себе, контрагентами могут быть не только мужчины, но и женщины тоже. А то что мне одна из них как-то раз позвонила ночью, так она находилась за границей и забыла о разнице часовых поясов.

— А зачем ты поставил код на телефоне?

— Чтобы ты в нем не ковырялась.

— Значит, тебе есть, что скрывать, да? — мой голос дрожит. Уже не понимаю, то ли от обиды, то ли от злости.

— Мне нечего скрывать, но залезать в чужой телефон, как минимум, неприлично. Я же в твой телефон не залезаю.

— Залезь! Я ничего от тебя не скрываю.

— Не залезу. Воспитание не позволяет.

От такого заявления я теряюсь на несколько секунд.

— Хочешь сказать, я невоспитанная!?

Матвей закатывает глаза.

— Юль, устройся на работу, а? От круглосуточного ничегонеделания у тебя поехала крыша.

— Ах ты уже хочешь, чтобы я устроилась на работу? — упираю руки в бока. — А не ты ли просил меня не работать, потому что хотел, чтобы я встречала тебя с работы с борщом и в сексуальном белье?

— Я передумал. Не хочу ни борщ, ни сексуальное белье. Хочу, чтобы ты работала и не парила мне мозги. Тем более я уже не помню, когда последний раз ты встречала меня с борщом и в белье. Последний год ты встречаешь меня только с истериками.

Матвей берет кружку чая и равнодушно шагает мимо меня в свой кабинет. Сейчас он засядет там работать часа так на два. Придёт в постель не раньше трех ночи, когда я буду спать. Нервы сдают окончательно. Скулю себе в ладонь.

Я не могу больше это терпеть! Не хочу! Сколько можно!? У него на первом месте работа, на втором друзья, на третьем я. Чем я это заслужила? Да, я немного психовала и перегибала палку из-за того, что долго не получается забеременеть. Но и Матвей не святой!

Решительно направляюсь в его кабинет. Распахиваю дверь без стука.

— С меня хватит, Матвей. Я ухожу.

Муж отрывает от компьютера уставшие глаза и смотрит на меня.

— Юль, можно не пилить мне мозг? Я устал. Ложись в кровать и жди меня. Я сейчас закончу дела и приду к тебе.

— Ты вернулся в час ночи, от тебя пахнет женскими духами, а на рубашке след от помады!

— Это не то, что ты подумала.

Не то, что я подумала! Видите ли, это не то, что я подумала! А что тогда? Муж, вернувшийся ночью из бара со следом помады на воротнике и шлейфом женских духов, — что это, если не то, что я подумала?

Спорить бессмысленно, понимаю. Лучше уйти. Просто взять и уйти. Наконец-то решиться на этот шаг.

Молча разворачиваюсь и выхожу из кабинета Матвея. В спальне достаю из шкафа чемодан и принимаюсь бросать в него свои вещи. Действую механически. Но вдруг резко останавливаюсь с платьем в руках, почувствовав, как к горлу подкатила тошнота. Стараюсь сглотнуть ее. Воздух становится вязким, комната плывет перед глазами. Хватаюсь рукой за шкаф.

— Далеко собралась? — приводит меня в чувство злой голос мужа.

Глава 2. Долгожданное событие

Матвей за пару шагов преодолевает расстояние между нами. Выхватывает из рук платье, потом выгребает одежду из чемодана и с силой швыряет ее обратно в шкаф.

— Что за спектакль ты устроила? — рычит.

— Это не спектакль. Я ухожу.

— Успокойся, истеричка.

— Ах, я истеричка!? — разозлившись, топаю ногой. — Меня достало это, Матвей! Просто достало уже! Ты ни во что меня не ставишь и не уважаешь!

— Хватит, Юля! Ты себе придумала невесть что и бесишься. Я не изменяю тебе. Я люблю тебя. Ну сходил я в бар с друзьями. Что в этом такого? Ты же ходишь в кафе с подругами.

— Мои подруги не снимают себе парней на одну ночь, когда мы сидим в кафе, — шиплю. — Я твоих друзей не знаю, что ли? Я прекрасно знаю этих аморальных дегенератов. У них одно на уме: прийти в бар, чтобы склеить там на одну ночь девушку.

— Да какая разница, что у них на уме!? Пускай делают, что хотят. Это их дело. Или ты думаешь, что если мои друзья выпрыгнут в окно, то и я выпрыгну в окно? По-твоему, у меня нет своих мозгов?

— Они ходят в бары, чтобы клеить баб, а ты там с ними...

— Но я же не клею никого! — взрывается криком на всю квартиру. — Я пришел домой, к тебе. Да, мои друзья еще остались сидеть, когда я ушел. Возможно, они подцепят каких-нибудь девушек. Но это их дело! Я тут при чем?

— От тебя несёт женскими духами, а на воротнике след от помады, — я уже не кричу, потому что мой голос дрожит, а к глазам подступили слезы. Делаю к Матвею шаг. — Вот. Розовый след.

Резким движением Матвей срывает с себя галстук и принимается быстро расстёгивать рубашку. Снимает ее и смотрит на воротник.

— Какая-то розовая краска. Почему ты думаешь, что это помада?

— А что тогда?

— Да мало ли что это может быть? Испачкался где-то.

Стараюсь нормализовать дыхание. Справедливости ради, это не розовый след от губ, а просто мазок. Он с внешней стороны воротника, так что и правда можно было где-то испачкаться. Но другое дело, что это уже не первый раз. Далеко не первый. Матвей и раньше приходил с такими мазками на рубашке. То на воротнике, то на манжетах. И почему-то эти мазки всегда «женских» цветов: розовые и красные.

Совпадение? Не думаю.

— Юль, ну хватит, — Матвей произносит примирительным тоном. Осторожно кладёт руки мне на талию и притягивает к себе. — Ты же знаешь, что я тебя люблю.

Молчу. Мне хочется расплакаться. Может, Матвей прав, и я правда истерю на пустом месте?

Губы мужа касаются моих волос, затем виска, затем скулы, доходят до рта, на секунду останавливаются, а затем целуют. Я замираю, не шевелюсь. Не хочу отвечать на поцелуй мужа, но Матвей усиливает его, и я сдаюсь. Обвиваю шею супруга, лгну к его обнаженному торсу. Матвей так страстно меня целует, как будто и правда любит. Хотя почему «как будто»? Муж совершенно точно меня любит. Иначе зачем терпит мои закидоны? Нет, ну правда. Разве бы он жил со мной, если бы хотел изменять? Давно бы развёлся и гулял по бабам, как его друзья.

Эти мысли успокаивают меня. Я отдаюсь страсти, целую мужа так же жадно и неистово, как он меня. Мы падаем на кровать. Не отрываемся друг от друга ни на секунду, а засыпаем совсем поздно и в обнимку.

Утром нас поднимает будильник Матвея. Муж вылезает из кровати и направляется в душ, а я плетусь на кухню готовить ему завтрак. Иногда Матвей работает по выходным. А если точнее, то не иногда, а регулярно. Я бы даже сказала, что часто. Сегодня — не исключение. Матвею надо в офис.

Мне это не нравится. Я неоднократно говорила мужу, что хочу проводить с ним хотя бы выходные, но Матвей только отмахивался. Он трудоголик до мозга костей. Вот и сейчас я злюсь. Вчера он провёл вечер с друзьями, сегодня уходит на работу.

— Во сколько ты вернешься? — спрашиваю без настроения.

Матвей поднимает на меня глаза, считывает по моему лицу недовольство, тихо вздыхает и возвращается к тарелке с омлетом.

— Вечером, но не поздно.

— Это во сколько?

— Часов в пять. Хочешь, ходим в кино?

Про кино — это такая затравка, чтоб меня подмаслить.

Пожимаю плечами.

— Мне все равно.

— Юль, пожалуйста, хватит, — устало просит. — У меня контракт с немцами. Как только подпишу его, стану свободнее. Можем даже съездить куда-нибудь отдохнуть.

— У тебя все время контракты.

— Да, потому что я занимаюсь бизнесом. Хочешь, чтобы я закрыл компанию и засел дома на диване перед футболом? А на что мы тогда будем жить?

— Я не говорю, чтобы ты закрывал бизнес и сидел дома. Но можно же работать хотя бы по трудовому кодексу. Суббота и воскресенье — выходные.

— По трудовому кодексу работают наемные сотрудники, а я владелец.

— Понятно.

Спор бессмысленен. Только снова поругаемся. Подбираю под себя ноги на стуле и смотрю, как из кружки кофе поднимается пар. Матвей звенит столовыми приборами по тарелке, я принципиально не поднимаю на него глаз. Муж доедает, ставит посуду в раковину, склоняется надо мной и целует в макушку.

— Все, я поехал. Забронируй места в кинотеатре часов на шесть.

— На какой фильм?

— На любой, какой хочешь.

— Я хочу посмотреть романтическую комедию или мелодраму.

— Хорошо.

Матвей соглашается абсолютно безразлично. Как будто ему все равно, что смотреть. А впрочем, так оно и есть. Если бы Матвей искренне хотел провести вечер в кинотеатре, то ни за что бы не согласился на романтическую комедию или мелодраму. Муж любит триллеры и боевики. Так что про кино он сказал, чтобы задобрить меня. А сам наверняка тупо уснёт и откроет глаза только к концу фильма. Так уже было не раз.

Я не иду провожать Матвея в прихожую, хотя обычно делаю это. Как только за мужем закрывается дверь, не выдерживаю и начинаю плакать. Слезинки стекают по лицу и падают в кружку с кофе.

Я реву на кухне, пока меня не приводит в чувство звук уведомления моего мобильного телефона. Это пуш от календаря менструального цикла. Вытерев щеки, открываю.

«У тебя задержка 7 дней! Самое время сделать тест на беременность».

Меня словно молнией прошибает. В страхе откидываю телефон в сторону. О том, что у меня задержка, я знаю и без календаря менструации. Но за тестом не иду. Зачем, если он все равно покажет отрицательный результат? Я это уже проходила. Задержка аж десять дней была,

мы с Матвеем уже обрадовались, что я беременна, но потом тест показал одну полоску. А на следующий день пошли месячные. Поэтому на нынешнюю задержку я не обращаю внимания.

Матвей очень хочет ребенка, а у меня не получается забеременеть. И у врачей мы были, не помогло. Ума не приложу, в чем может быть дело. Эта проблема сильно давит на меня. Я боюсь, что Матвей уйдет от меня к другой девушке, которая ему родит, раз у меня не получается.

Вздыхнув, встаю со стула и собираюсь в аптеку. Так уж и быть, сделаю тест. Если будет отрицательный, не скажу Матвею. Только лишний раз расстраивать его и нагнетать между нами обстановку.

Но когда через полчаса я прихожу домой, и тест показывает жирный плюс, я не верю своим глазам. Таращусь в шоке, моргаю быстро-быстро, думая, что сейчас плюс изменится на минус. Но он не меняется. Тест на беременность совершенно точно показывает плюс. А в инструкции написано, что плюс — это беременна.

Когда до меня доходит осознание, что я жду ребенка, кажется, земля под ногами плыть начинает. Я хватаюсь рукой за стиральную машину, иначе упаду. По лицу снова бегут слезы. Только это уже не слезы грусти, а слезы счастья. Искреннего, огромного, необъятного счастья.

Господи, неужели у нас с Матвеем получилось?

Набираю в грудь побольше воздуха, успокаиваюсь. Опускаю руки на животик и глажу его. Я беременна. У нас с мужем будет долгожданный малыш. Надо сказать Матвею.

Хватаю в руки телефон и звоню супругу. Гудки идут долго, Матвей не отвечает. Потом сбрасывает. В другой ситуации я бы разозлилась и накатала мужу претензию по смс. Но сейчас в моем сердце нет места злости и обидам. А зачем звонить, вдруг думаю? Съезжу к нему на работу и расскажу лично. Можно было бы вечером, когда пойдём в кино, но мне слишком не терпится.

Бросаю тест в сумочку и выбегаю на улицу. Такси приезжает через несколько минут. Окрылённая счастьем, я улыбаюсь всю дорогу и поглаживаю животик через куртку. Таксист, наверное, думает, что я дурочка какая-то, улыбаюсь сама с собой. Да ну и пусть думает. Мне все равно.

Через полчаса по небольшим пробкам машина тормозит у офиса Матвея. Я выскакиваю из салона и бегу в здание. Мне не терпится поделиться счастливой новостью с мужем. Уже представляю, как Матвей обрадуется. Может, и с работы сегодня уйдет раньше? И вообще перестанет работать по выходным? И в будние будет возвращаться домой в нормальное время? И перестанет ходить в бары с друзьями?

Вот это я раскатала губу...

— Юлия Викторовна? — охранник на проходной удивляется при виде меня. — Здравствуйте.

— Добрый день. Матвей у себя?

— Да, Матвей Алексеевич сегодня в офисе.

— Тогда пропустите меня к мужу.

Охранник послушно нажимает кнопку, и на турникете загорается зелёная стрелочка. Пробежав по лестнице два пролета и несколько метров по коридору, забегаю в приемную мужа. У секретарши включён компьютер, но ее самой за столом нет. Ее Матвей тоже вызвал на работу в субботу? Признаться честно, секретарша мужа мне никогда не нравилась. Слишком молодая и слишком красивая.

Прохожу через приемную и без стука распахиваю дверь в кабинет мужа.

— Матвей... — слова застревают в горле. Больше ничего не могу вымолвить.

Потому что мой муж стоит без рубашки, а перед ним секретарша. Она лапает его тело.

Глава 3. Я похожа на дуру?

— Юлия!? — Матвей, сконфузившись, резко отходит от секретарши на шаг.

Она в свою очередь тоже выглядит так, будто ее поймали с поличным на горяченьком.

— Что здесь происходит? — цежу.

Матвей растерян. Оно и понятно. Не ожидал, что я застукаю его. Молчит, пытаясь сочинить отмазку. А у меня земля из-под ног уходит, кровь стучит в ушах. Бам-бам-бам. В висках пульсирует: «Матвей изменяет, Матвей изменяет».

— Анна делала мне массаж. Лечебный. У меня болит спина. И мышцы грудного отдела. Что?

— Да, Юлия Викторовна, — робко подает голос секретарша. — Я училась на курсах лечебного массажа. Могу показать сертификат. Правда, не работала никогда. Матвей Алексеевич пожаловался на боли в спине, попросил записать его к массажисту, а у того плотная запись на две недели вперед. Поэтому я предложила Матвею Алексеевичу свои услуги. В смысле услуги массажистки. Мне не сложно, я ведь умею. Сейчас я как раз прорабатывала грудную зону...

Секретарша замолкает. Я стою ни жива ни мертва с четким ощущением, что наступил конец света. Мой личный конец света. Чувствую, как у меня дергается бровь. Нервный тик.

— Анна, спасибо, можете идти, — говорит Матвей.

Кивнув и потупив взгляд, секретарша быстро семенит на выход. Звук закрывшейся двери отрезает нас с мужем от всего мира.

— Юль, это не то, что ты подумала, — Матвей повторяет омерзительную мне фразу и делает шаг в мою сторону. — Это правда был лечебный массаж. Немного странный. Ну, видимо, потому что Анна давно училась на этих курсах, а потом не стала работать массажисткой. Я пойду к нормальному профессиональному массажисту. К мужчине.

Какой-то сюр. Глупые оправдания Матвея вызывают во мне только смех. Я начинаю истерично хохотать.

— Юль, ну ты чего? — Матвей подходит ко мне вплотную и кладёт руки на плечи. Дергаюсь от его прикосновения, как будто током ударил. — Это правда был лечебный массаж.

— Впервые слышу, что у тебя болит спина.

— Да где-то неделю назад разболелась. Я не говорил?

Злость, словно лава, медленно закипает во мне.

— Я похожа на дуру?

— Нет.

— Тогда почему я слышу такую дебильную отговорку?

— Потому что это не отговорка, а правда. Анна делала мне лечебный массаж без какого-либо подтекста.

Мне плохо. Отшатываюсь назад и упираюсь спиной в дверь. Перед глазами пляшут мурашки. Стараюсь их сморгнуть. Не хотелось бы потерять сознание.

— Знаешь, я даже не могу понять, что больше меня оскорбляет: что ты мне нагло изменяешь или что считаешь душой, которая проглотит такую абсурдную отмазку.

Матвей шумно вздыхает.

— Юля, я тебе не изменяю. Я говорил это миллион раз. Я. Тебе. Не. Изменяю. — произносит отдельно по словам. — И никогда не изменял. Пожалуйста, хватит подозревать меня в изменах. Это уже смахивает на паранойю и на проблемы с головой. Иначе я не знаю, как назвать твои маниакальные подозрения в изменах.

— Ах у меня еще и проблемы с головой!? — взвизгиваю.

— А можно потише?

— Не затыкай мне рот!

— Я не затыкаю тебе рот, — шипит, — но не надо позорить меня перед моими же сотрудниками. Анне через стенку все слышно.

— Ах тебя беспокоит, что она подумает?

— Конечно, меня беспокоит, что мои подчинённые обо мне думают. И я бы не хотел, чтобы они думали, будто я женат на ревливой истеричке. Будь добра: не позорь меня и не позорься сама.

Матвей отходит к столу и надевает рубашку. Быстро застегивает пуговицы и заправляет ее в брюки. Мне хочется сползти на пол и побиться об него головой. Потому что, во-первых, мой муж мне изменяет, а во-вторых, считает меня умственно отсталой идиоткой, которой можно напелсти какую угодно чушь, ведь она все равно поверит.

— Зачем ты приехала? Что-то срочное? Видел, ты звонила. Извини, не мог ответить. У меня был видеозвонок.

У меня такое внутреннее состояние, когда абсолютно все потеряло смысл и больше ничего не хочется. Все смешалось в одну сплошную серую массу.

— Я приехала сказать, что хочу развестись, — произношу севшим голосом.

Как ни странно, мне не хочется плакать. В душе настолько все выжжено, что не осталось ни слезинки.

— Опять двадцать пять. Юль, ну хватит, правда. Лучше устройся на работу. Тогда твоя нереализованная энергия пойдет в нужное русло.

Киваю.

— Обязательно устраюсь. У меня хорошее образование и есть опыт. Не пропаду без тебя, не переживай. К тому же я могу сдавать в аренду бабушкину квартиру. Да, точно не пропаду.

Проговариваю это скорее для самой себя, чем для Матвея. У меня нет сильной финансовой зависимости от мужа. Да, сейчас я полностью живу за счет Матвея, но он ведь не нищенкой меня подобрал. Я из нормальной семьи. Мои родители не олигархи, но вполне себе крепкий средний класс по московским меркам. На совершеннолетие подарили мне квартиру. Небольшую, однокомнатную в спальном районе, но все же. Я жила в ней до встречи с Матвеем. А после смерти бабушки мне еще досталась ее двушка. Ну и на работу я, конечно, устраюсь. Это ведь из-за Матвея я в свое время стала домохозяйкой.

— Я не хочу это слышать, — муж категорично отрезает. — Все, Юля, мне надо работать. Встретимся в шесть часов в кинотеатре. Ты забронировала места?

— Да, забронировала, — отвечаю на автомате.

— Тогда до встречи вечером.

Злой Матвей садится в большое кожаное кресло и принимается бить по клавиатуре. Меня он больше не замечает. А я еще продолжаю стоять некоторое время. Гляжу на мужа с грустью. Вот так разбилась наша большая любовь. О его измены и ложь. Кто бы мог подумать.

Поняв, что Матвей больше не удостоит меня взглядом, молча выхожу из его кабинета. Секретарша при виде меня сразу подскакивает на ноги.

— Юлия Викторовна, — тараторит нервно. — Вот мой сертификат, посмотрите. Я правда училась на курсах массажа, — поворачивает ко мне монитор компьютера. — А еще у меня есть жених, он сделал мне предложение, — демонстрирует кольцо с камнем на безымянном пальце. — У нас летом свадьба. Я приглашу Матвея Алексеевича и вас.

— Я правда похожа на такую дуру? — спрашиваю с грустью. — Я ведь в МГУ училась. На экономическом.

— Вы не дура.

— Тогда почему вы все держите меня за нее?

— Я не держу вас за дуру, — быстро-быстро хлопает длинными накрашенными ресницами.

Сглатываю ком в горле. Зачем я вообще разговариваю с ней? С этой потаскухой. Но напоследок все же хочу задать один вопрос.

— И давно ты спишь с моим мужем?

Мне интересно, Матвей начал изменять после того, как у нас стали проваливаться все попытки забеременеть или раньше?

— Я не сплю с Матвеем Алексеевичем, вы что! Я же сказала, у меня есть жених! Как вы могли такое обо мне подумать?

— Действительно, как я могла такое о тебе подумать? — задаю риторический вопрос, глядя на ее выпирающую из декольте грудь.

Выйдя из офиса Матвея, еду домой. Собрать свои вещи и подавать на развод.

Глава 4. Доказательства

Я не вызываю такси, а ловлю попутку. Останавливается какая-то старая машина. Водитель вопросительно на меня смотрит, опустив окно.

— До дома довезете меня? В пределах Третьего кольца.

Согласно кивает.

Запрыгиваю на заднее сиденье и называю адрес. Водитель едет размеренно, не торопясь, и это раздражает меня еще больше. Мое лицо полыхает огнём, по венам вместо крови циркулируют злость, обида, ярость. В голове только одна мысль на повторе: «Муж изменяет мне, муж изменяет мне». Душа в клочья разорвана, выжжена. Сознанию сложно поверить и принять, что жизнь разделилась на «ДО» и «ПОСЛЕ». Но так и есть.

Мы женаты почти четыре года. Познакомились, когда нам обоим было 20 лет. Я была отличницей и в основном сидела дома. А на третьем курсе впервые в жизни согласилась сходить с однокурсниками в ночной клуб. Там ко мне подошёл симпатичный парень. Пытаясь перекрыть музыку, представился Матвеем и пригласил на танец. Я засмушалась, но согласилась. Мы протанцевали несколько песен, а потом он без малейшего стеснения положил руки мне на попу и сказал на ухо:

— Хочу тебя. Поехали ко мне?

Меня сначала парализовало от шока, а потом в груди закипело возмущение. Я со всей силы дала наглецу пощёчину, развернулась и побежала в сторону гардероба. Не попрощавшись с друзьями, взяла пальто и выскочила из клуба. Не успела пробежать и двадцати метров, как услышала громкий голос за спиной:

— Да куда же ты? Подожди!

Матвей догнал меня и остановил за руку.

— Ты за кого меня принимаешь!? — набросилась на него. — Я похожа на проститутку?

— Нет.

— Тогда на каком основании ты мне такое говоришь? Это оскорбительно. Это... — я аж не могла подобрать слов. Чувствовала себя униженной.

— Извини, пожалуйста, я не хотел тебя обидеть, — выпалил, пока я подбирала слова.

— Не хотел обидеть!? Но именно это и сделал!

— Прости. Просто ты очень понравилась мне.

— Когда девушка нравится, ее сначала приглашают на свидание, а не сразу в постель!

— Тогда я приглашаю тебя на свидание.

Фыркнув, я развернулась и быстро зашагала по тротуару, стуча каблуками ботильонов. Матвей поспевал за мной.

— Ты даже не дашь мне шанса?

— Ты его уже упустил.

— Ну пожалуйста, — опять схватил меня за руку и остановил. — Одно свидание. Вот увидишь, я тебя не разочарую.

Я смотрела на него и сомневалась. В темных глазах Матвея читалась мольба. И я решила дать ему шанс. Только один.

— Ладно, — нехотя согласилась. Все-таки Матвей тоже мне понравился. Высокий брюнет с карими глазами, хорошо и со вкусом одет.

— Вон круглосуточное кафе, — кивнул головой чуть в сторону. — Пойдем?

— Сейчас?

— Ну да. Зачем откладывать?

Я немного иначе представляла себе свидания, но все же согласилась. Мы зашли в круглосуточное кафе. Зал был практически пустым, мы сели на диваны в самом конце и заказали

по кофе. Матвей моментально увлёк меня разговором. Он спрашивал про меня, рассказывал про себя, шутил. Я много смеялась и сама не заметила, как потеряла счет времени. Когда в шесть утра мы вышли из кафе, я была полностью и бесповоротно влюблена в Матвея.

Мы начали встречаться. Он студент медицинского, а я экономического. Виделись каждый день после пар в институтах. Матвей стал у меня первым. Наша любовь становилась сильнее и глубже, нам совсем не хотелось расставаться даже на несколько часов, поэтому через три месяца отношений Матвей предложил мне переехать к нему. У него тоже была своя квартира.

Матвей — сын очень богатых родителей, но не относился к категории мажоров, которые прожигают жизнь. С таким я бы не стала встречаться. Я согласилась жить вместе с Матвеем и переехала из своей однушки в спальном районе в его трехкомнатные апартаменты в модной новостройке возле Третьего транспортного кольца. Через два месяца совместной жизни Матвей сделал мне предложение.

Все было хорошо, но мне категорически не нравились друзья Матвея. У них одна радость — пойти в клуб и снять кого-нибудь на ночь. До встречи со мной Матвей занимался тем же самым. А когда мы решили пожениться, дружки Матвея и вовсе стали над ним смеяться и обзывать подкаблучником.

На четвёртом курсе отец Матвея подарил ему бизнес — компанию по поставкам в Россию медицинского оборудования. Это быстро переросло в серьёзное прибыльное дело, поэтому в ординатуру Матвей не пошел, оставшись врачом общей практики. Я после окончания экономического устроилась работать бухгалтером, но мне категорически не повезло с начальницей. Старая неудовлетворенная жизнью гримза тиранила весь коллектив. Сотрудники с кредитами и детьми были вынуждены терпеть к себе скотское отношение, а кто был более независим, увольнялся.

Я поначалу мужественно терпела. Мне нравился принцип работы сам по себе, плюс было приятно получать зарплату, хоть и небольшую. Но каждый вечер я была настолько замученной и выжатой, что однажды Матвей потребовал: «Увольняйся». Сначала я сопротивлялась, мы даже ругались, но когда начальница довела меня до нервного истощения, я поняла: свое здоровье дороже. Я уволилась и стала искать новую работу. Мне попалась хорошая вакансия, я прошла собеседование и уже готовилась выйти в новое место, как Матвей заявил, что не хочет, чтобы я работала.

— Я хочу ребенка, — ошарашил меня.

О детях мы тогда совсем не думали. Ну я так точно не думала. А Матвей, оказывается, думал.

— И хочу, чтобы ты встречала меня с борщом и в сексуальном белье, — добавил, обжигая ухо горячим шепотом. — Зачем тебе эта работа? Опять будет дура-начальница, опять нервотрёпка.

— Там начальник, и он хороший, — поправила Матвея.

— Начальник? — выгнул бровь. — Мужчина?

— Да.

Матвей нахмурился.

— Я не хочу, чтобы ты работала с мужчиной.

Я закатила глаза.

— Он старый.

— Ну и что.

Пожалуй, это был первый и единственный раз, когда Матвей меня приревновал. Мне стало до ужаса приятно. До этого со стороны Матвея ревности не было совершенно. Он знал, что до него я даже на свидания ни с кем не ходила, поэтому чувствовал себя абсолютно уверенно: я никуда от него не денусь. Иногда меня это даже обижало. Особенно когда я слушала

рассказы подруг про ревность их парней. Мне казалось, что ревность — это доказательство любви.

И вот Матвей приревновал меня к будущему начальнику. Старому и женатому. Но это не важно. Главным было — Матвей ревнует. Я моментально растаяла и согласилась на просьбу мужа встречать его с работы в белье и с борщом.

Первое время мне даже нравилось. Я была счастлива заглядывать Матвею в рот, когда он после работы ел мою еду. А потом мне стало не хватать внимания мужа. Я жила от встречи до встречи с ним, а он жил работой. Я стала для Матвея удобным приложением к дому. Только ребенок не получался. Я сначала не придавала этому значения, а потом поняла: Матвей сильно переживает. Он очень хотел ребенка, а у меня не получалось забеременеть. Появился страх, что Матвей уйдет от меня к другой.

Я стала замечать, что Матвей теряет ко мне интерес. Он снова начал видаться с университетскими друзьями, хотя долгое время после свадьбы не общался с ними. Они тогда смеялись над ним, мол, идиот и подкаблучник, женишься в двадцать лет на девушке, которую знаешь всего пять месяцев. Матвей воспринимал это просто как подколы друзей и в ответ, смеясь, показывал им фак. А меня задело до глубины души. Я потребовала от Матвея, чтобы он больше не общался с этими аморальными типами, у которых на уме только одно. И он действительно перестал с ними общаться. А потом снова начал.

И пошло-поехало. Его бесконечная работа сутками, посиделки с друзьями, другие женщины. Они, типа, контрагенты и партнеры по бизнесу. Но почему-то все красивые как на подбор. И не замужние. По крайней мере без колец на пальцах. А еще в фирме Матвея почему-то был преимущественно женский коллектив. Мне стало казаться, что Матвей специально берет на работу только девушек. Я начала внимательно рассматривать рубашки мужа. Иногда находила на них розовые или красные пятна. Первое, что приходило на ум, — это женские помады.

Я стала проверять телефон Матвея, читать его смски и электронную почту. Однажды он застал меня за этим занятием, и у нас разразился скандал. Матвей утверждал, что не изменяет мне, а я не верила. Мы стали постоянно ругаться. Минимум несколько раз в неделю. Потом, конечно, мирились в постели, но проблемы сексом не решались. Я упорно искала доказательства того, что Матвей мне изменяет, снова и снова залезала в его телефон, пока он не поставил пароль. И вот, наконец-то, я нашла эти доказательства...

Глава 5. Руины

Домой я влетаю как разъяренная фурия. Меня не просто штормит, меня адски колбасит. Каждая вещь Матвея, которая попадает на глаза, вызывает бурю гнева и ярости.

— Предатель! Предатель! Ненавижу! — кричу, бросая в стену его дорогие часы, что лежат в прихожей на тумбе с зеркалом.

Забегаю в спальню, достаю из шкафа чемодан и принимаюсь кидать в него свои вещи. Слезы душат меня, дерут горло. Я задыхаюсь от всхлипываний. Вещи Матвея как бельмо в глазу. Его рубашки, брюки, пиджаки. Я их так старательно настирывала и наглаживала, а он... А он...

Со злостью срываю с вешалки одну его рубашку и разрываю по шву. Не знаю, откуда во мне берётся столько силы. Обычно я даже банку с маринованными огурцами открыть не могу. А тут с легкостью порвала рубашку. Потом вторую, третью.

— Ненавижу! Ненавижу! Предатель! Ненавижу!

Я рву и топчу его вещи. Когда рубашки заканчиваются, в ход идут брюки и пиджаки. Последние разорвать руками не получается, поэтому хватаюсь за ножницы.

— Как ты мог? Как ты мог так со мной поступить? Ненавижу! Ненавижу!

После одежды Матвея я принимаюсь за мебель. Колочу светильники, посуду, зеркала. Меня невозможно остановить. Я вымещаю ярость от предательства мужа на всем, что попадает на глаза. Даже какие-то свои вещи бью. Они мне больше не нужны. Я не буду здесь жить.

Не знаю, сколько проходит времени. Много, наверное. Я потеряла счет. Прихожу в себя, только когда без сил падаю на пол в руины, которые сама же устроила. Слезы закончились, а дышать по-прежнему тяжело.

«Надо разводиться, надо разводиться», звучит в голове.

Но мысль о разводе приводит меня в животный ужас. В еще более сильный, чем измены Матвея. Когда я думаю, что вот он конец нашей семьи, мозг отказывается это принимать.

«Нет, нет, нет», вопит сознание.

Перед глазами проносятся наши четыре года вместе. Первое свидание, первое признание в любви, первая ночь, первый отпуск, свадьба. Мы были такими счастливыми, мы так любили друг друга. Что же произошло потом? Почему все сломалось? Где мы оступились?

И неужели нельзя все исправить? Неужели стало совсем поздно?

Я тянусь рукой к разорванной рубашке Матвея и утыкаюсь в нее носом. Легкие моментально заполняет любимый запах мужа. Тихо скулю от боли и безысходности.

Ну неужели нет никакого решения!?

Надо пробовать, надо бороться. Мы ведь можем обратиться к семейному психологу? Говорят, это помогает. У меня подруга с мужем ходила, когда у них наступил кризис в отношениях. Психолог помог им преодолеть его. Может, и нам с Матвеем сходить?

Просто Матвей слишком погряз в работе, а я слишком засиделась дома. Мы перестали нормально разговаривать. Потому что мне неинтересно слушать про бизнес, а Матвеем неинтересно слушать про сериалы. У нас банально нет тем для разговора. Но ведь все в наших руках. Мы справимся, мы все наладим...

— Юлия! — вырывает меня из мыслей злой голос мужа.

Я подскакиваю на ноги, растерянно оглядываюсь. Матвей влетает в спальню, но тут же резко тормозит. Осматривает ее. Затем меня. Его глаза расширяются до размера пятирублевых монет. Лицо искажается гримасой ярости.

— Какого хрена ты тут устроила? — цедит.

Снова перемещает взгляд с меня на руины вокруг. Чем дольше смотрит, тем злее становится. Казалось бы, злее уже некуда. Боже мой, я никогда не видела Матвея таким! Его буквально перекосило от ярости.

— Матвей... — только и могу виновато вымолвить.

Муж простреливает меня свирепым взглядом. Мне кажется, ему стоит больших усилий не сорваться на ор. Я прямо вижу, как Матвей стискивает челюсть.

— Я прождал тебя в кинотеатре гребанный час, — голос супруга звучит едва слышно. Только мне от этого становится еще страшнее. По телу прокатывается волна ужаса. Потому что я понимаю: это нарочитое спокойствие — предвестник настоящий беды. — Ты не брала трубку, не отвечала на сообщения. А когда я зашёл домой, увидел настоящий погром. Какого хрена ты устроила, Юля?

От плохого предчувствия у меня пропал голос. Я не могу вымолвить ни слова. Только смотрю на Матвея и одно понимаю: люблю его безмерно.

А может, он и правда не изменяет мне? Ну зачем ему? Если бы хотел других девушек, то давно бы развёлся. Нас ведь ничего не связывает, если так подумать.

Я продолжаю молчать. Матвей тоже. Ярость в его взгляде сменяется болью. От такой перемены у меня тут же сжимается сердце.

— Я сейчас скажу две вещи, — у меня ощущение, что каждое слово даётся Матвею с большим трудом. Он будто выдавливает их из себя. — Скажу их один раз и больше повторять не буду. Слушай внимательно.

Мне хватает сил только на то, чтобы кивнуть.

— Первое — я тебе не изменяю и никогда не изменял. С того дня, когда я впервые увидел тебя, у меня не было других девушек. Я никогда, никогда не изменял тебе, Юля, — делает акцент на слове «никогда».

Я верю. Смотрю мужу в глаза и верю каждому слову. Он не лжет. Сейчас я точно это понимаю. Матвей искренен.

В груди загорается огонек радости. Не изменяет! Матвей мне не изменяет и никогда не изменял! Ну как я могла быть такой дурой?!

— А второе? — спрашиваю с придыханием.

— А второе — я решил с тобой развестись.

Глава 6. Бездушный

Слова Матвея оглушают меня. Поначалу мне даже кажется, что я ослышалась.

— Развестись? — переспрашиваю, чувствуя, как задрожали колени.

— Да, я принял решение развестись с тобой.

Сказал — как отрезал. Матвей выглядит уверенным в своих словах и непоколебимым. Как бизнесмен, который принял решение, которое не подлежит изменению.

— Подожди, — лепечу. — Но только сегодня днем ты говорил, что не хочешь разводиться. И вчера говорил...

— Не хочу, но не вижу в нашей ситуации иного выхода. У нас не получается нормальной семьи, Юля. Мы только мучаемся. Причём оба. Лучше отпустить друг друга.

Каждое слово мужа прилетает мне словно кирпич по голове. Я отказываюсь принимать это.

— Нет, Матвей, ну ты же не серьезно? — делаю к нему шаг, но спотыкаюсь о колючий взгляд, поэтому торможу. — Да, у нас есть некоторые проблемы в отношениях, но неужели мы не можем их исправить?

— Не можем.

— Давай пойдём к семейному психологу? — мой голос дрожит. Я думала, выплакала все слезы, но оказалось, что нет. Глаза наливаются новыми.

— Мне некогда ходить к психологу. Я много работаю, Юля.

— Матвей, ну что ты такое говоришь!? — я срываюсь на плач. Муж безразлично смотрит, как по моему лицу заструились слезы. Не подходит успокоить меня, хотя обычно делает это. — Ну какой развод? Мы же любим друг друга. Или... — запинаюсь в страхе от своей догадки. — Или ты разлюбил меня? Но еще вчера ты говорил, что любишь...

— Я люблю тебя, Юля. Но я больше не могу с тобой жить. Ты меня высосала. Дошло до того, что я просто не хочу приходить домой, потому что здесь меня ждут только истерики и претензии. Это, — он обводит рукой погром в спальне, — последняя капля. Так невозможно дальше жить.

Матвей как робот. Бездушно чеканит каждое слово. Разве он не понимает, что убивает меня этим? Меня бросает в озноб. Обхватываю себя руками, начинаю дрожать. Что же он такое говорит? Высосала... Я ведь люблю его. Люблю.

Матвей безразлично выходит из спальни, оставляя меня одну. Выбегаю за ним в коридор. Хочу что-то крикнуть вслед, но слов не нахожу. Спина мужа скрывается в кабинете. Дверь плотно закрывается, а в ней поворачивается замок. Неужели Матвей просто сядет работать? Вот так бесчувственно? После того, как принял решение развестись.

Приваливаюсь спиной к стене и сползаю по ней на пол. Опускаюсь лицом в колени и тихо подвываю. Матвей не выходит, хотя не может не слышать моего плача. Каждой клеточкой своего тела я ощущаю наступивший в моей жизни Армагеддон. Жизни больше нет. Ее просто больше нет...

В нос проникает тошнотворно-сладкий запах. Как те духи, которыми пах Матвей, когда вернулся из бара. Откуда он в квартире? Отрываю заплаканное лицо от коленей и осматриваюсь. Запах становится сильнее. Меня начинает тошнить. Быстро подскакиваю на ноги и мчусь в ванную. Там меня моментально выворачивает над унитазом.

Открываю кран с холодной водой и умываюсь. Это немного приводит меня в себя, освежает мысли. Чищу зубы, промокаю лицо полотенцем. И тут мой взгляд падает на стиральную машину. На ней лежит упаковка от теста на беременность. Рука автоматически опускается на живот.

Я же беременна. Я беременна! Господи, как я могла об этом забыть? Картина с секретаршей в кабинете Матвея выбила у меня из головы, зачем я вообще поехала к мужу. Я же собиралась сказать ему про беременность, что у нас будет малыш.

У нас будет малыш! Долгожданный! Матвей ведь так хотел!

Выбегаю из ванной и тороплюсь к кабинету мужа. По дороге отмечаю, что тошнотворно-сладкий запах уже испарился.

— Матвей! — громко стучу в дверь. — Матвей, открой, пожалуйста!

До меня доносится звук шагов. Дверь открывается. Муж все такой же сухой и бездушный смотрит на меня с непроницаемым лицом.

— Я подал на развод через госуслуги. Зайди в свой аккаунт и подтверди, пожалуйста.

Заявление супруга про развод снова больно бьет меня по щекам. Он все-таки решил... Проглатываю обиду.

— Я беременна, Матвей, — тихо говорю. — У нас будет ребенок.

Глава 7. Принятое решение

Лицо Матвея застывает, ни один мускул не дергается. Глаза становятся стеклянными, отрешенными.

— Я беременна, — повторяю чуть громче. — Поэтому я поехала сегодня к тебе на работу. Хотела сказать. У меня задержка неделю, я сделала тест. Он положительный.

Матвей все еще стоит как истукан, и это уже начинает меня пугать. Он не рад? О Господи, Матвей не рад! Он больше не хочет со мной детей.

Осознание жестокой действительности вонзается мне в сердце острым клинком. Инстинктивно отхожу на шаг назад. Мир рушится. Прямо на моих глазах рассыпается по кирпичикам. Сжимаю руки в кулаки. Боль пронзает меня с головы до ног. Это самый сильный удар, который Матвей мог мне нанести.

Когда я думаю, что уже все кончено, уголки губ мужа медленно ползут вверх. Он улыбается. Первые несколько секунд даже не верю. Вокруг темно-карих глаз Матвея собрались маленькие мимические морщинки от улыбки: она стала еще шире.

— Это прекрасная новость, Юля. Я рад.

С души падает тяжёлый камень. Отхожу еще на пару шагов назад и приваливаюсь к стене. Облегченно выдыхаю. От нервного перенапряжения у меня взмокла спина. Матвей продолжает стоять в дверях своего кабинета. Улыбается, но не подходит ко мне, чтобы обнять, порадоваться вместе.

В сердце закрадывается неприятное предчувствие. Страх ползёт под кожей и обволакивает внутренности. Интуиция не обманывает меня, потому что в следующую секунду Матвей выносит мне смертный приговор:

— Ребенок ни в чем не будет нуждаться. За это не переживай. Я всем его обеспечу. Эту квартиру оставляю вам, твоя ведь совсем маленькая, тебе там будет тесно с ребенком. Я бы хотел видиться с малышом в любое время. Мы же не будем доходить до абсурда и устанавливать дни моих встреч с ребенком через суд?

Я аж теряю дар речи на мучительно долгие несколько секунд. Глотаю ртом кислород, отказываясь верить в услышанное.

— Что!? Ты все равно собираешься развестись со мной!?

Счастливая улыбка на лице мужа от известия о беременности медленно меркнет. Матвей снова становится сухим и бескомпромиссным.

— Я принял решение, Юля. Да ты и сама хочешь развестись, ведь уже целый год почти каждый день мне об этом кричишь. Так будет лучше для всех, особенно для ребенка. Я не хочу, чтобы наш малыш рос в токсичной атмосфере и каждый день видел скандалы родителей. Он не будет от этого счастлив. Никто не будет. В итоге мы все равно разведемся, но перед этим изрядно пошатнём психику ребенка.

Мне дурно.

— А от того, что ребенок будет расти в неполной семье с воскресным папой, его психика не пошатнётся?

— Если ребенок будет так жить с рождения, то не думаю. А вот если мы решим сохранить брак ради ребенка, а потом все равно разведемся, то ребенку будет плохо.

Я отказываюсь верить в услышанное. Мне это снится. Мой любимый муж, мой Матвей, которого я знаю четыре года, не может говорить такие вещи. Это просто невозможно! Я скоро проснусь, расскажу обожаемому супругу, какой ужасный сон мне приснился, и мы вместе посмеемся.

Вот только время идет, а я не просыпаюсь. Матвей стоит в паре метров, не уходит. Сейчас смотрит на меня не то с грустью, не то с тоской. А я с ужасом понимаю, что это не сон. Матвей всерьёз намерен развестись со мной. Несмотря на ребенка.

— Юля, я повторяю: вы ни в чем не будете нуждаться. Ни ты, ни ребенок. Если будет тяжело, я найму тебе в помощь няню.

— Боже мой, Матвей! — взрываюсь криком. Эмоции снова берут надо мной верх. — Ты себя слышишь!? Ты хоть понимаешь, какой бред ты несёшь!? У нас будет ребенок! Между прочим, ты хотел его больше меня! А теперь ты бросаешь меня беременной!?

— Я не бросаю тебя, Юля, — отвечает спокойно. После моего ора на всю квартиру контраст в интонациях сильно режет слух. — Я буду все для вас делать.

— Да подавись ты своими деньгами! Они мне не нужны!

— Юль, успокойся. Тебе нельзя нервничать.

Последняя фраза звучит как издевательство. Бросает меня беременной и говорит, чтобы не нервничала. Меня трясёт. В голове не укладывается, как он так может. Это просто уму непостижимо. Содержать он нас будет. Ни в чем не будем нуждаться. Как вообще язык поворачивается говорить о разводе после того, как я забеременела?

— Как ты можешь, Матвей? — мой голос осип от крика и слез. — Как ты так можешь?

— Я не вижу другого выхода, Юля. Наши отношения зашли в тупик. Ребенок не исправит ситуацию, а только усугубит ее. Ты будешь злой и уставшей, истерик и скандалов станет больше.

— Но еще ночью ты говорил, что любишь меня.

— Я не отказываюсь от своих слов. Я люблю тебя, но своего будущего с тобой не вижу.

Обхватываю себя руками. Меня зазнобило. Это какой-то фильм ужасов, а я в нем главная героиня. Как Матвей может быть таким бездушным? У него камень вместо сердца, что ли?

— Да что я тебе такого сделала? — мой вопрос звучит совсем жалко.

— Ты задушила меня, Юля. Это стала не жизнь, а каторга.

— Я обещаю тебе, что больше не буду скандалить.

Матвей с грустью качает головой.

— Ты уже обещала раньше. Ничего не изменится.

— Хочешь сказать, мои скандалы были совсем беспочвенны? Ты пропадал с друзьями, сутками работал, летал в командировки. А сегодняшняя сцена в твоём кабинете? Даже если секретарша и правда делала тебе массаж, ты считаешь это уместным? А если мне будет делать массаж грудной зоны мужчина, ты нормально к этому отнесёшься?

— Если у этого мужчины будет сертификат массажиста, то да. Я ничего не имею против того, чтобы ты ходила к врачам-мужчинам. Даже к гинекологам. Это, помнится, ты устроила скандал, когда узнала, что я иду к урологу-женщине. Кстати, она была сильно пожилой, но тебя это не остановило.

Да, было такое. Это когда не получалось забеременеть, и мы пошли к врачам. Но зачем идти к урологу-женщине, если можно пойти к урологу-мужчине? Из этих же соображений я не хожу к гинекологам-мужчинам.

— А что касается моих друзей, — спокойно продолжает дальше, — то вижусь я с ними, хорошо если раз в месяц. Но, по-твоему, я должен прекратить с ними общение вообще только лишь потому, что они не женаты.

— Не поэтому. А потому что они сторонники свободных отношений и подбивают на это тебя.

— Если бы мои друзья могли меня на что-нибудь подбить, то я бы вообще на тебе не женился. Знаешь, мне даже обидно, что ты считаешь меня настолько тупым и неспособным принимать самостоятельные решения. Ну серьезно, Юль, разве у меня нет своей головы на плечах?

— Я не считаю тебя тупым, просто... Просто я знаю, какой образ жизни ты вёл до встречи со мной. А твои друзья продолжают вести такой образ жизни до сих пор. У них ни у кого даже девушек нет!

— Я завязал со свободными отношениями и сексом без обязательств сразу, как встретил тебя.

— А теперь хочешь вернуться к этому, да? — прищуриваюсь. — Разведёшься со мной и снова будешь по клубам ходить?

Матвей невесело ухмыляется и качает головой.

— Если тебе так интересно знать, то отвечу: я давно перерос ночные клубы и одноразовых девушек. Мне это неинтересно.

— Тогда что тебя связывает с такими друзьями? — не успокаиваюсь.

Муж тяжело вздыхает.

— Ты неисправима, Юля, — поворачивает голову в свой кабинет, оглядывает его. — Я вывезу отсюда свои вещи в течение недели, наверное. Моя одежда не сохранилась, я верно понимаю?

Молчу. Ноги задрожали.

— Видимо, не сохранилась, — делает вывод по моему долгому молчанию.

Заходит в свой кабинет, дверь не закрывает, так что я остаюсь стоять в коридоре и наблюдать за Матвеем. Он выключает ноутбук, кладёт его в сумку и безразлично шагает мимо меня в сторону прихожей. Надевает куртку, ботинки.

— Ты куда? — растерянно спрашиваю.

— Пока поживу в гостинице, потом куплю себе новую квартиру. Не забудь зайти на госуслуги и подтвердить мое заявление на развод.

И на этом Матвей безразлично выходит из квартиры, оставляя меня в звенящей тишине.

Глава 8. От любви до ненависти

Я не верю, что Матвей ушел навсегда. Этого не может быть. Просто он на взводе из-за погрома в квартире, который я устроила. Я, безусловно, не права, что порвала и порезала все его вещи. Матвей остынет и вернётся домой. Мы ведь семья. А теперь у нас будет ребенок. О каком разводе может идти речь? Глупости это.

Чтобы не утонуть в самокопании и депрессии, я принимаюсь убирать квартиру. Запрещаю себе думать о скандале с мужем и его заявлении на развод. Мы с Матвеем обязательно помиримся, а пустая нервотрёпка только навредит ребенку.

У меня получается абстрагироваться от плохого. Я полностью ухожу в домашние дела. Собираю испорченные вещи Матвея, подметаю осколки. Выходит несколько больших пакетов мусора. После я захожу на сайт магазина, в котором Матвей обычно покупает вещи, и заказываю ему новую одежду: костюмы, галстуки, джинсы, футболки. Курьер привезёт их через несколько дней.

Уже поздно, перевалило за двенадцать ночи, но я все равно иду готовить ужин. Запекаю мясо в духовке, как любит Матвей и делаю его любимые овощи на гриле. Половина второго. Матвея нет. Ладно. Не буду звонить, пусть переночует в гостинице. Завтра придёт домой.

Но на следующий день Матвей не приходит. Я отгоняю панику подальше, продолжаю ждать мужа. Чтобы как-то себя занять, достаю фотоальбомы, пересматриваю наши свадебные фотографии. Мы тут такие счастливые и влюблённые. У нас была очень красивая свадьба. Именно такая, о какой я мечтала. Потом мы поехали в свадебное путешествие на жаркие острова. Две недели ни на минуту не отрывались друг от друга. Я думала, наше счастье бесконечно.

Когда поздним вечером Матвея все еще нет, отгонять панику становится сложнее. При каждой мысли, что развод реален, волосы на затылке шевелятся. Это не укладывается в голове, в это невозможно поверить. Мой мозг попросту отказывается принимать мысль о разводе. Нет, этого не может быть.

В понедельник я понимаю, что мне нужно максимально отвлечь себя, иначе сойду с ума от томительного ожидания. Готовлю Матвею новую еду. Он сегодня работает, вернётся, наверное, около девяти. Варю борщ и делаю несколько любимых салатов мужа. Постоянно бросаю взгляд на экран телефона, нет ли от Матвея сообщений. Обычно муж пишет мне в течение дня. Но уже второй день тишина.

Выключив плиту, чтобы не поддаться панике, иду в салон красоты на всевозможные процедуры. После салона устраиваю себе поход по магазинам. Что угодно — лишь бы не думать о долгом отсутствии Матвея и его заявлении на развод. Экран мобильного по-прежнему пуст. От Матвея нет ни смс, ни пропущенных вызовов.

Сердце сжимается в страхе. Я не придумываю ничего лучше, чем позвонить подругам и предложить им встретиться. Они у меня все незамужние, поэтому после работы у них много свободного времени. Из нашей университетской компании одна я вышла замуж в двадцать лет. Остальные девочки, с которыми я дружила, сосредоточились на карьере.

Несколько подруг откликаются на предложение выпить кофе. Они свободны, и у них нет планов на вечер после работы. Полина, Рита и Маша приезжают почти одновременно. Все немного уставшие после трудового дня, но все равно полны энергии и энтузиазма. Взахлёб рассказывают свои последние новости. Полина получила повышение, Рита съездила в отпуск в Аргентину, а Маша купила квартиру.

— А у тебя что нового, Юль? — спрашивает Рита. — Только не говори, что ты все так же квочка-наседка.

— Я квочка-наседка.

Подруги иногда подтрунивают надо мной за то, что я стала домохозяйкой и посвятила себя мужу. Мол, ты зачем в МГУ училась? Чтоб мужика обслуживать? Просто у них ни у кого нет серьёзного мужчины, и они не понимают, как это — по-настоящему любить и быть любимой. Маша жила с каким-то парнем полгода, но они разбежались. У Риты было много романов во время студенчества, но они ничем не закончилось. А сейчас подруга с головой ушла в работу, и ей не до свиданий. Ну а у Полины огромные запросы. Там аж целый список критериев, которым должен соответствовать мужчина, чтобы ей понравиться. Не уверена, что такой мужчина вообще существует в природе.

Про свою беременность и перспективу развода с Матвеем я подругам не говорю. Не хочу лишних вопросов, жалости и сочувствия. К тому же, может, мы и не разведемся вовсе. Не всерьёз же Матвей собрался бросать меня беременной.

— Ладно, девочки, мне пора домой. Поздно уже.

— Только одиннадцать часов! — возмущается Полина.

— Это очень поздно для замужней девушки.

— Ой, ну что, твой Матвей без тебя не уснёт? — язвит Рита.

— Надеюсь, что не уснёт.

Девочки одновременно закатывают глаза.

— Ты сама нас вытащила в кафе и первой сливаешься, — говорит Маша.

— Потому что мне надо к мужу.

— А нам завтра рано на работу, но ничего, еще сидим.

— Нет, девочки, мне пора домой, — быстро достаю из кошелька деньги и оставляю на столе за свой заказ. — Спасибо, что согласились встретиться.

— Ну лааадно, — грустно тянет Рита. — А мы еще посидим.

— Да, вы еще посидите.

Во избежание новых попыток удержать меня тороплюсь на выход из кафе. На улице вызываю такси и долго жду машину. Мне страшно ехать домой. Мне страшно зайти в квартиру и не увидеть там Матвея.

Он же вернулся? Ну не будет же он в самом деле так долго жить в гостинице!

«А что если он не в гостинице, а у какой-нибудь девушки?», закрадывается в голову ядовитая мысль. Быстро прогоняю ее. Нет, это исключено. Матвей не изменяет мне. Он сам сказал, и я верю.

Но когда я переступаю порог квартиры, а меня встречает гробовая тишина, пальцы рук начинают дрожать, а к горлу подкатывают слезы. Я медленно начинаю понимать, что развод — это не что-то эфемерное. Развод — вот он, почти перед глазами.

Слезы струятся по лицу, я не могу их остановить. Приваливаюсь лбом к стене в спальне и тихо всхлипываю. Я отказываюсь принимать эту реальность, она невозможна. Однако чем дольше я плачу, тем сильнее ощущаю свое одиночество. Я наполняюсь им, пропитываюсь насквозь.

Матвей ушел. Матвей оставил меня одну.

Несколько раз бьюсь головой о стену. Затем сползаю на пол и поджимаю под себя ноги. Завываю в слезах, раскачиваясь из стороны в сторону. Мечтаю, чтобы дверь квартиры хлопнула, и вошёл Матвей. Но слышу только тишину. Она будто насмехается надо мной, издевается.

Кое-как нахожу в себе силы доползти до компьютера. Захожу в свой аккаунт на сайте госуслуг и вижу уведомление о том, что Полетаев Матвей Алексеевич подал со мной на развод. Я должна подтвердить.

Я дрожу как осиновый лист. Меня охватили боль, паника, страх, ужас. По позвоночнику сползает горячая капелька пота. В висках пульсирует: «Матвей ушел навсегда, Матвей ушел навсегда». Зажимаю ладонью рот, чтобы подавить рвущийся наружу истошный крик.

Это конец. Это настоящий конец.

Дрожащим пальцем подтверждаю развод. И в этот момент у меня в голове словно выключатель срабатывает. От любви до ненависти.

Глава 9. Конец навсегда

Я не жду, что Матвей, увидев от меня подтверждение развода, напишет или позвонит. Через три дня, когда в квартиру приезжают присланные им грузчики, чтобы вывезти все вещи из его кабинета, я окончательно убеждаюсь: встретимся через тридцать дней в загсе, когда будем забирать свои свидетельства о разводе.

Где-то еще неделю я нахожусь в растерянности. Из рук все валится, мысли в голове путаются, то и дело одолевает страх за дальнейшую жизнь. Стараюсь настраивать себя на позитивный лад, убеждаю себя, что у меня есть главное — ребенок. Но слабо получается.

Тяжело находиться в квартире мужа. Бывшего мужа. Да, теперь надо называть Матвея именно так — бывший муж. Здесь все напоминает о нем и о наших счастливых днях. Его вещи, его запах. Я кожей ощущаю присутствие Матвея. От того находиться здесь еще невыносимее.

Я решаю уехать из его квартиры. Не понимаю, зачем он вообще собрался оставлять мне ее. Но в одном Матвей был прав: в моей маленькой однушке с ребенком будет тесно. Поэтому я решаю переехать в двухкомнатную, которая досталась мне от бабушки.

Переезд отвлекает меня. Это достаточно долгий и трудоемкий процесс, вещей у меня много, так что я рада, что могу переключиться с развода на что-то другое. Параллельно составляю резюме и публикую его на сайте по поиску работы. Образование у меня хорошее, небольшой опыт тоже есть, надеюсь, возьмут хоть куда-нибудь. Я не указываю в резюме, что беременна. Знаю: плохо обманывать будущего работодателя. Но беременной меня точно никуда не примут, а работа мне нужна кровь из носа. У меня есть время устроиться, только пока не видно живота.

Так пролетает месяц. В течение дня мне удаётся занимать себя делами, а вот по ночам на меня накатывает. Боль и слезы душат. «Ненавижу, ненавижу, ненавижу», твержу без устали в подушку. Я не представляю, как после развода видеться и общаться с Матвеем. Он же будет приезжать к ребенку, проводить с ним время. Нам неминуемо придется коммуницировать.

А если Матвей снова женится? Он будет приезжать к нашему ребенку со своей новой женой? От этой мысли мне становится дурно. Я уже точно знаю, что не потерплю рядом со своим малышом никакой другой женщины Матвея. Мне придется биться с Матвеем не на жизнь, а на смерть, потому что он будет хотеть, чтобы наш ребенок проводил время с его новой семьей, а я буду категорически против.

Не получится у нас с Матвеем сохранить нормальные отношения ради ребенка. Слишком все болезненно для меня. Я не буду отпускать малыша в новую семью Матвея, он будет качать права. Наверное, в суд на меня подаст, чтобы назначили дни свиданий.

Меня мучает токсикоз. Каждое утро, не успев открыть глаза, подскакиваю с кровати и мчусь в туалет, где меня выворачивает. А еще постоянно чувствую тот самый тошнотворно-приторный запах духов, который исходил от Матвея, когда он вернулся со встречи с друзьями. Жалуюсь гинекологу в женской консультации, а она говорит, что это нормально: из-за беременности у меня искажение запахов.

— Пройдет вместе с токсикозом, — обещает.

А еще на меня периодически накатывают приступы неконтролируемой агрессии. Ненависть к Матвею так захлестывает, что появляется желание отомстить. Особенно когда представляю, как он снова женится и будет счастлив с новой женой и семьей. У него будет прекрасная беззаботная жизнь, а я навсегда останусь одна на руках с ребенком. Другого мужчину рядом с собой даже вообразить не могу. Упорно пытаюсь — и не получается.

В назначенный день и назначенное время я иду в загс. Очень надеюсь, что Матвей не придет. Нам ведь не обязательно забирать свидетельства о разводе одновременно. Тем более

сегодня рабочий день, наверняка Матвей слишком занят на своей любимой работе. Но бывший муж приходит. Мы сталкиваемся в коридоре загса, когда оба ищем нужную дверь.

— Привет, — здоровается первым.

Он выглядит идеально. Гладко выбрит, в отпаренном костюме. На лице ни следа тоски или грусти. Элементарно даже кругов под глазами нет. А у меня есть. Пришлось утром старательно замазывать тональным кремом и пудрой.

— Привет, — отвечаю с комом в горле.

Он совсем не расстроен? Ему совсем не жаль? А кто ему костюм отпарил до идеального состояния? Ни единой складочки. Он уже нашел себе новую девушку? Так быстро?

Слезы жгут глаза, но я не хочу плакать при Матвее. Это так унижительно — рыдать перед бывшим мужем в день развода. Побystрее бы пройти все формальности. Наконец-то находим нужную дверь, немного ждём, когда освободится сотрудница загса, даём ей паспорта... Для меня мучительна каждая секунда рядом с Матвеем. Я дышать свободно не могу рядом с ним. Потому что еще месяц назад он был самым родным, а теперь самый чужой.

Матвей не предлагает еще подумать, повременить с разводом. Я и не надеялась, но пару раз на задворки сознания закрадывалась шальная мысль: а вдруг передумал? Нет, твердо решил развестись. Принял очередное бизнес-решение.

Выйдя из загса, останавливаемся на ступеньках. Впервые с начала встречи замечаю в глазах Матвея что-то отдаленно похожее на сожаление. А у меня словно по щелчку пальцев гнев просыпается.

Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

— В течение трёх дней на твой счёт будет переведена половина денег, которые накопились за время нашего брака.

— Зачем? — не понимаю его слова.

— Это совместно нажитое имущество. Оно должно делиться пополам.

Ах вот оно что.

— Я же не работала. Это твои деньги, — меня аж брезгливость охватывает.

— Ну и что. Эти деньги накопились в браке, значит, совместно нажитое имущество.

— Мне не нужны твои деньги, — шиплю. — Квартира твоя, кстати, тоже не нужна. Я съехала из неё, а ключи оставила консьержке.

Я захлёбываюсь злостью. Откуда ее столько? Даже когда я подозревала Матвея в изменах, не было ярости в таком количестве.

— Тебе не нужны, а ребенку нужны, — спокойно парирует. — Не выдумывай, возвращайся обратно в квартиру.

Упоминание о ребёнке распаляет меня ещё сильнее. Матвей такой беззаботный и красивый, сейчас отправится в свой любимый офис заниматься любимым бизнесом. В пятницу увидится с любимыми друзьями. Потом встретит новую любимую девушку, которая станет ему любимой женой и родит любимых детей. Все у Матвея будет хорошо и замечательно, а его прекрасная жизнь с новой женой будет каждый день мельтешить у меня перед глазами.

Я хочу, чтобы Матвею было так же больно, как мне. Хочу, чтобы страдал так же, как я.

— Ребенка больше нет.

Я говорю это быстрее, чем успеваю осмыслить. Глаза Матвея расширяются в шоке, а у меня от сумасшедшей лжи происходит выброс адреналина. Сердце начинает качать кровь с удвоенной силой.

— В смысле нет?

Меня уже не остановить. В голове картины счастливой жизни Матвея с новой женой. Нутро наизнанку выворачивается. Не хочу, чтобы его новая жена приближалась к нашему малышу. К МОЕМУ малышу. Она будет заискивать перед ребенком, пытаться подружиться, показывать Матвею, какая она хорошая мачеха. И Матвей будет весь такой счастливый с новой

женой, которая его не пилит и не ревнует к каждому столбу. Еще и сравнивать будет, как было плохо со мной и как стало хорошо с новой женой.

У меня аж в висках пульсирует, когда представляю это. Дышать не могу.

— Юля, что значит «ребенка больше нет»? — строго спрашивает. — Ты сделала аборт??

Матвей испуган и зол одновременно. А я хочу причинить ему боль. Не могу контролировать это дикое желание. Хочу, чтобы страдал. Хочу, чтобы чувствовал себя виноватым. Ведь Матвей так мечтал о ребенке. Намного больше, чем я.

— Я его потеряла. У меня произошёл выкидыш на нервной почве. Ты ушел от меня, подал на развод, даже не подумав о том, что я буду нервничать, а это очень опасно на раннем сроке. Это ты виноват! — выкрикиваю. — Из-за тебя я потеряла ребёнка! У меня произошёл нервный срыв. Ты же врач по образованию, как ты мог не предусмотреть такое? Неужели нельзя было попытаться все исправить? Ради ребенка, ради семьи. А ты просто безразлично ушел! Это сказалось на ребенке, он не перенёс такой стресс.

Я начинаю плакать, как будто все это правда. Матвей ошарашен, молчит. Побледнел на глазах, губы посинели. Пытается что-то сказать, а не может. Я хочу вселить ему чувство вины. Чтобы страдал каждый день так же, как я.

И чтобы со своей новой женой, которая у него обязательно однажды будет, на пушечный выстрел не приближался к МОЕМУ ребёнку. Не потерплю рядом с ребенком ни его, ни ее.

— Так что не нужны мне ни твои деньги, ни твоя квартира! Потому что нет больше никакого ребенка! По твоей вине нет! Это ты его убил! Ты!

Тело пронизывает дрожью. Слезы крупными градинами скатываются по лицу вниз к шее. Матвей тоже дрожит, дышит надрывно.

— Почему... Почему ты не сказала? — выдавливает из себя.

В таком состоянии, как сейчас, я видела Матвея только один раз: когда полтора года назад умерла от рака его мама. Страх, растерянность, чувство безысходности — все на его лице. А взгляд такой, будто сам умер.

— А почему ты ни разу за месяц не поинтересовался, как я? Ушел и забыл. Прощай, Матвей. Ты убил нашего ребенка.

Я наслаждаюсь тем, в каком Матвей состоянии. Еле на ногах стоит. Теперь мы на равных. Теперь мы оба будем несчастны.

— Я потеряла ребёнка по твоей вине. Живи теперь с этим, — пускаю ему контрольный в голову.

Быстро разворачиваюсь и убегаю вниз по ступенькам. Матвей не догоняет меня. Вот теперь все. Вот теперь конец навсегда.

Глава 10. Работа

На следующий день я начинаю сомневаться в правильности своего решения обмануть Матвея. Но что сделано, то сделано. Звонить Матвею и говорить «Я пошутила», не буду. Это выльется в выяснение отношений, а я не хочу. Может, когда-нибудь потом в будущем скажу ему правду. Но это не точно. Потому что я снова начинаю представлять счастливого Матвея с новой семьей, и кровь в жилах закипает.

Через три дня после развода мне приходят деньги от Матвея. Очень много. Я даже не знала, что у нашей семьи было столько денег. А ведь он перевёл мне только половину. Но не понимаю, зачем Матвей это сделал, если я сказала, что ребенка больше нет. Я не придумываю ничего лучше, чем вернуть ему деньги обратно.

Но Матвей снова мне их переводит. Я опять возвращаю ему. Так мы больше недели футболим друг другу деньги, уменьшая их сумму из-за банковской комиссии. В итоге я сдаюсь. Когда Матвей снова пересылает мне половину совместно нажитого имущества, я оставляю деньги. Пускай будут ребенку. Я намеренно лишила малыша отца, так пусть хоть что-то достанется ему от Матвея. Вырастет и решит, что делать с деньгами.

На этом наши с Матвеем контакты заканчиваются. Я удаляю его отовсюду из друзей, отписываюсь от его страниц в соцсетях и блокирую номер телефона в записной книжке. Не хочу ничего знать о бывшем муже. Не хочу, чтобы даже на глаза попадался. Несколько дней трачу на то, чтобы почистить телефон, удалив из него все совместные фото. Их накопилось больше двух тысяч за четыре года, что мы провели вместе. А альбом со свадебными фотографиями летит в помойку.

Вот только удаление из жизни бывшего мужа не помогает удалить его из головы и из сердца. Как ни заставляю себя не думать о Матвее, а не получается. Особенно по ночам, когда дневные заботы заканчиваются, и я ложусь в постель. Матвей закрадывается в мысли и рвёт душу. В такие моменты я убеждаюсь, что правильно поступила, солгав о выкидыше. Я страдаю, и он пускай тоже страдает.

Найти работу оказалось сложнее, чем я предполагала. Очередь из работодателей за мной не выстроилась, несмотря на то, что я окончила МГУ. Некоторые компании приглашают меня на собеседования, но в конце я лишь слышу: «Мы вам позвоним». Естественно, никто не звонит.

А время поджидает. Подходит к концу первый триместр, скоро живот будет заметен даже в свободной одежде. Мне срочно нужно устроиться хоть куда-нибудь. Дело даже не в деньгах. Мне с лихвой хватает того, что я получаю от сдачи в аренду своей квартиры. Плюс родители помогают. Мне просто нужен официальный декрет. Правда, не знаю, зачем. Но вроде так положено. Ну и хоть какая-то соцзащита от государства. Опять же не знаю, зачем она мне нужна, но пусть будет. Так спокойнее. Ну и мне нужен опыт. Работать-то все равно придётся, когда ребенок вырастет. Чем больше опыт, тем проще устроиться.

После еще одной недели затишья, когда я массово рассылала по организациям резюме, а мне никто не отвечает, я получаю приглашение на собеседование от фирмы по поставкам в Россию медицинского оборудования. Это конкуренты Матвея. Я видела, что у них вакансия бухгалтера, но не отправляла резюме. Не хотела находиться в одной сфере с бывшим мужем. А они сами приглашают меня на собеседование. Подумав, соглашаюсь. Мне не выбирать.

Я мало слушала рассказы Матвея про работу, но, кажется, про эту компанию бывший муж рассказывал, что она в очень плохом финансовом состоянии и неконкурентоспособна. Даже обмолвился один раз, что если будет банкротиться, то купит ее. Или Матвей говорил это про каких-то других конкурентов? Не помню. Да и не важно. Я не в том положении, чтобы перебирать работу.

Я иду на собеседование к конкурентам Матвея и — о чудо! — получаю работу. Сначала аж поверить не могу, что меня берут. Но уже через несколько дней после выхода в компанию я понимаю, что это те самые конкуренты Матвея, которые на ладан дышат. Бухгалтерия просто в ужасном состоянии. Зарплаты задерживаются, командировки оплачиваются с большим опозданием. Есть проблемы с уплатой налогов.

Мамочки, куда я попала и побыстрее бы декрет.

На шестом месяце я больше не могу скрывать живот. Он виден даже в балахонах.

— Ты уйдёшь в декрет!? — в ужасе восклицает начальница, главный бухгалтер. Хорошая женщина, я с ней сработалась и даже немного жалко подводить ее своим уходом в долгий отпуск.

— Да...

Хватается за сердце. Причём не картинно, а в прямом смысле.

— Вам плохо, Лариса Юрьевна? — подскакиваю к ней.

— Все! Я увольняюсь! — рычит. — Нет моих сил больше это терпеть!

Мне не на шутку становится страшно.

— Только возмёшь на работу нормального сотрудника, как он уходит! — продолжает возмущаться. — Я задолбалась. Где мне это нужно? Работа превратилась в помойку, людей нет, все увольняются. Ты не увольняешься, но в декрет. Это почти то же самое. Опять кого-то искать на твоё место. Я устала...

Она выпивает залпом валерьянку и продолжает причитать. Я чувствую себя немного виноватой. Начальница и правда хорошая. На ее хрупких женских плечах огромная ответственность. Компания не смогла пережить последний финансовый кризис, рассыпается на глазах, гендиректор злой, постоянно на всех орет.

А по-моему, он еще заставляет ее вести двойную бухгалтерию, чтобы скрыть часть доходов. Но это только мое подозрение. Просто однажды проходя мимо кабинета гендиректора, я слышала возмущённый голос Ларисы Юрьевны о том, что на ней как на главбухе уголовная ответственность, поэтому она не будет что-то там делать. Что именно, я не расслышала. Да и не было у меня цели подслушивать под дверью.

К моему декрету обстановка совсем накаляется. Так что жалость к Ларисе Юрьевне сменяется желанием побыстрее уйти с этой работы. Не знаю, сохранится ли компания к концу моего декрета и будет ли мне куда возвращаться. Думаю, нет. Но вроде у нас по закону декретницы хорошо защищены.

В декрете я делаю глоток свежего воздуха и начинаю готовиться к ребенку. У меня будет девочка. Дочка. Я очень рада и с нетерпением жду малышку.

Матвей никуда не ушел из мыслей и из сердца. Во время работы мне удавалось отвлекаться, но в декрете с большим количеством свободного времени на меня обрушилась целая лавина воспоминаний о бывшем муже. Я снова плачу по ночам в подушку и представляю счастливого Матвея с новой женой.

Теперь мне хочется рассказать ему о ребёнке. Чтобы сломать счастье его новой семьи. Ведь наверняка вторая жена Матвея не обрадуется, узнав, что у ее возлюбленного есть ребенок от другой женщины. Пускай страдает. Я хочу, чтобы его новая жена страдала. Хочу, чтобы Матвей общался с нашим ребенком, брал его в свою новую семью, а вторая жена бесилась из-за этого.

Может, она уйдет от Матвея, узнав, что у него есть ребенок от другой?

Конечно, я не знаю, состоит ли Матвей в новых отношениях. Может, он один, как я. Но мое воображение упорно рисует рядом с ним новую жену. Умную, красивую, работающую и не ревнивую. Мое воображение рисует, как Матвей с ней счастлив и сравнивает со мной. Не в мою пользу, конечно же, сравнивает.

Когда я уже близка к тому, чтобы позвонить Матвею и рассказать про ребенка, у меня отходят воды. На месяц раньше срока.

Глава 11. Дочь

Все происходит слишком быстро. Я планировала рожать по контракту в хорошем месте у рекомендованного врача, который наблюдал мою беременность. Я даже не сразу понимаю, что у меня отошли воды. Несколько минут таращусь на лужу подо мной, не понимая, что это. А потом чувствую резкий спазм. Боль ни с чем несравнимая и ранее мною не испытанная. До меня доходит: это схватки.

Я только успеваю вызвать скорую и позвонить родителям. Бригада приезжает не очень быстро. Схватки нарастают, становятся сильнее. Врачи успокаивают, говорят: «Сейчас приедем и сразу родишь». Меня принимает дежурная бригада. Доктора шутят, подбадривают. А мне не до смеха. Очень скоро врачам тоже становится не до смеха, потому что КТГ показывает сильное замедление сердцебиения ребенка.

Начинается суeta. Врач кого-то вызывает. Приходит женщина в белом халате, смотрит на экран КТГ.

— Я пока скажу, чтобы подготовили операционную, — произносит акушерка и выходит за дверь.

Мне становится страшно. По лицу текут слёзы, схватки мучительно болезненны. Обещали, что придет анестезиолог, но до сих пор его нет. Акушер-гинеколог и пришедшая врач о чем-то переговариваются, не могу разобрать слов. Затем женщина подходит ко мне, надевает на одну руку резиновую перчатку и бесцеремонно засовывает в меня пальцы.

Я кричу от резкой боли.

— Тише-тише, — успокаивает врач.

— Срочно везите на кесарево! — строго командует женщина, вытаскивая из меня пальцы.

— В чем дело? — задаю вопрос врачу, скуля от боли.

— На схватках сильно замедляется сердцебиение, не можем больше рисковать.

— А почему оно замедляется?

— Могут быть разные причины. Скорее всего, гипоксия.

Меня быстро катят на каталке по коридору. Я смотрю в белый потолок с лампами, плачу и почему-то дрожу. Зубы стучат друг о друга, как будто я голая на морозе. В операционной анестезиолог-таки есть. Прodelывает какие-то манипуляции, и по позвоночнику струится холод. А следом отнимается все, что ниже пояса.

— Через шесть минут ты станешь мамой, — подмигивает мне по-доброму. — Ну чего ты плачешь? Уже же не больно.

Слезы не прекращают бежать по лицу ни на секунду. Я не знаю, почему. Анестезиолог продолжает шутить и подбадривать, но я не запоминаю ни одного его слова. А потом я слышу детский крик и поворачиваю на него голову. Вижу ребенка в крови.

Это мой ребенок?

— Тринадцать тридцать, — кто-то громко объявляет время.

— Ну вот, ты теперь мама, — проникает в уши голос анестезиолога.

— Что было с ребенком?

— Сильное обвитие пуповиной. Дважды вокруг шеи и вокруг тела.

— Это ничего?

— Ну сейчас ребенка осмотрят. Но закричал почти сразу.

Я ничего в этом не понимаю, но «почти сразу» мне не очень нравится. Через какое-то время мне приносят дочку, завернутую в больничное одеяло, и прикладывают ее к груди. Я начинаю рыдать еще сильнее. У девочки такое малюсенькое личико. Я целую ее щечки. Дочка сначала молчит, а потом начинает плакать.

— Ну что ты, Настенька? — говорю ей. — Не плачь. Мама рядом.

Анастасия. Я решила назвать дочь так. Полетаева Анастасия Матвеевна. По-моему, хорошо звучит. После развода я не стала возвращать свою девичью фамилию. Почему, не могу ответить даже самой себе.

— Мы сейчас отвезём ее в детскую реанимацию, — говорит акушерка, что приводит меня в дикий ужас.

— В реанимацию!?

— Да, недоношенная и закричала не сразу. Но внешне с ребенком все хорошо. В реанимации будет под пристальным наблюдением. Если не будет тревожной симптоматики, то переведут к тебе.

— А я сколько дней тут буду?

— После кесарево обычно лежат пять дней, если нет осложнений.

Дочку увозят. Мое материнское сердце моментально сжимается. Как же она будет там без меня? В реанимации... Страшно. К ней будут хорошо относиться? А если она будет плакать? Я хочу встать с кушетки и побежать вслед за дочерью, но Ноги меня не слушают. Я не могу подняться.

— Я хочу к дочке, — рыдаю. — Пустите меня к ней.

— Ты в своём уме? — анестезиолог вовремя меня ловит, когда я с силой отталкиваюсь локтем от кушетки. — Тебе самой надо в реанимацию отходить от кесарева.

— Я хочу быть с дочкой!

— Все с твоей дочкой будет хорошо. Это обязательная процедура. Все недоношенные отправляются в реанимацию. Порядок такой.

— Пожалуйста, — продолжаю рыдать. — Я хочу быть с ней.

— Успокойся, — приказывает. — Тебе надо поспать и отдохнуть. Знаешь, сколько бессонных ночей тебя ждёт?

Не слушая мои протесты, меня катят во взрослую реанимацию отходить после кесарево. Это очень большая палата, подряд стоят кровати с роженицами. Кто-то спит, кто-то разговаривает по телефону, кто-то пытается неуклюже ходить, держась за какую-то специальную штуку.

Меня переключают на кровать, медсестры суетятся, подключают меня к аппаратам. Я чувствую, как меня покидают силы. Не могу даже позвонить маме и сказать, что родила. Телефон выпадает из рук. Я моментально проваливаюсь в сон.

Глава 12. Реанимация

Первые дни в роддоме — сущая мука. После кесарева боль такая, что быть волком хочется. Медсестры без конца колют мне обезболивающие, но эффекта от них хватает ненадолго. Вдобавок почти невозможно ходить. Я передвигаюсь по стенке, согнувшись в три погибели. А на третий день ко мне приходит молоко, и начинается ад. Потому что молока много, а кормить некого.

Дочку ко мне не приносят. На все мои вопросы отвечают, что она в реанимации под наблюдением. Ничего критического, но так надо. Меня к ней не отводят. Вернее, говорят, что если я хочу, то могу пойти к ней в реанимацию сама. Но из-за кесарева я практически не могу ходить. А идти не близко. Из послеродового блока в детскую реанимацию минут семь пешком по этажам и переходам.

На третий день я понимаю, что больше не могу без дочери. Если я не увижу ее хотя бы одним глазком, то умру. Медленно, маленькими шажками, по указателям я бреду до детской реанимации. Постовая сестра сначала не хочет меня пускать, но я уже на такой грани, что просто начинаю орать и требовать. Приходит врач и дает разрешение пустить меня в палату. Мне приносят стул, и я буквально падаю на него возле дочери.

Из-за моих слез ее маленькое личико размыто. Быстро стираю слезинки, чтобы рассмотреть девочку. Она спит в прозрачной медицинской люльке. Такая крохотная. Совсем малюсенькая. К ее груди подключены провода, датчики и экраны над люлькой издают тихий писк.

У меня волосы на затылке шевелятся из-за страха за жизнь Настеньки. Я складываю руки в замок и начинаю молиться. В эту секунду абсолютно всё, абсолютно все проблемы и заботы, которые беспокоили меня ранее, уходят даже не на второй план, а на десятый. Для меня теперь нет ничего важнее в этом мире, чем моя дочка и ее здоровье.

Сложности на работе? Они меня больше не волнуют. Хотя еще в день родов я переживала, будет ли мне, куда возвращаться после декрета.

Страх не справиться одной с ребенком? Ерунда какая. Обязательно справлюсь.

Матвей? Воспоминание о бывшем муже отдаёт в груди тупой болью. Но даже он для меня уже не на первом месте. Появился другой человек, ради которого я теперь живу. Прокручивая в голове последние годы с Матвеем, они кажутся такими далекими-далекими. Как будто были в прошлой жизни. Его постоянная работа, его поздние возвращения домой... Боже мой, какая это все ерунда по сравнению с тем, что моя дочка лежит третий день в реанимации. Пускай Матвей, что хочет делает и как хочет живет, лишь бы с моей Настенькой все было в порядке.

Хотя в глубине души все же больно от того, как безразлично он меня бросил.

Звонит мама. Я разговариваю с ней в слезах, делюсь страхами и переживаниями. Она, как может, успокаивает. Предлагает после выписки из роддома жить с дочкой у них, чтобы помогать. Мама и раньше это предлагала, но я отказывалась. Мне не очень хочется мусолить с родителями тему развода. Я сказала им, что сама ушла от Матвея, а о беременности узнала после развода. Я не стала говорить им, как обманула бывшего мужа. В целом, родители не очень посвящены в подробности моей семейной жизни, поэтому постоянно говорят, что мне следует помириться с Матвеем. Ради ребенка.

Но это невозможно. Ведь Матвей сам меня бросил, сам принял решение развестись. Да ну и Бог с ним. Теперь это все так не важно. Хоть и больно до сих пор. Но ничего. Переживу. Мне есть, ради кого жить.

В четыре часа приходит врач узи с аппаратом и делает дочке нейросонографию. Говорит, что немного расширены желудочки с ликворной жидкостью, но делать с этим ничего не надо, само пройдет. Вечером того же дня Настю переводят ко мне в палату, так как показаний для нахождения в реанимации больше нет.

— Ваш ребенок в порядке, — заключает врач-реаниматолог.

Это лучшая новость, которую я слышала за всю свою жизнь.

В палате я стараюсь наладить грудное вскармливание. Пока дочки со мной не было, я сцеживалась молокоотсосом. Это не сильно облегчало мое состояние, грудь ужасно болит и покрылась шишками. Но Настя очень хорошо приложилась к груди, почти сразу.

— Несколько дней потерпите, — говорит специалист по грудному вскармливанию. — Шишки пройдут, молоко будет вырабатываться в том объеме, в котором нужно ребенку. Таких мук больше не будет.

— Хорошо.

Даже эта адская боль в груди кажется мне сущей ерундой по сравнению с тем страхом, который я пережила за здоровье дочки. Всё можно вытерпеть, потому что все эти трудности — проходящие и уходящие. Главное, чтобы с моей Настенькой всё было хорошо.

Глава 13. Бизнесмен

Уже через два дня после выписки я понимаю, что одна с ребенком не справлюсь, и принимаю предложение родителей переехать с Настей к ним. Становится полегче, хотя днем я все равно с ребенком одна: мои родители работают и помогают только по вечерам, когда возвращаются домой. Но и то есть возможность отдохнуть хоть пару часов.

С Настей сложно. Она сразу привыкает к рукам и начинает кричать каждый раз, когда я кладу ее в кроватку или на шезлонг. Засыпает только после долгих укачиваний. По ночам часто просыпается. На прогулках спит, только когда катится коляска. Остановлюсь на минуту — и сразу открывает глаза, а следом кричит.

Очень быстро я становлюсь выжатой как лимон, а моей единственной мечтой становится сон. Я патологически не высыпаюсь. Даже когда на выходных родители уходят гулять с дочкой, чтобы я отдохнула дома одна, не могу расслабиться и уснуть, потому что переживаю, не случится ли чего на прогулке. У меня хронический страх за жизнь Насти. Я начиналась в интернете, какие могут быть последствия гипоксий и теперь не нахожу себе места, разглядывая дочку чуть ли не под лупой и выискивая у нее проблемы развития.

С такими ежедневными заботами, хроническими недосыпами и синдромом яжематери у меня совсем нет времени страдать по Матвею. Нет, конечно, я не забыла бывшего мужа, а боль от его ухода никуда не делась. Особенно остро я ее чувствую во время прогулок с дочкой, когда вижу в парке счастливые семейные пары: как отцы гуляют с детьми, катят коляски, обнимают за талию или плечи жён.

В такие моменты жгучая обида на Матвея за то, что бросил меня, выходит из спячки. Я не сожалею, что скрыла от него ребенка. Так ему и надо. Он не заслужил Настю. И пускай сейчас спустя время я понимаю, что сама была во многом не права, не хочу в нашей с Настей жизни Матвея. Он нам не нужен. Пусть живет, как хочет, и делает, что хочет. Надеюсь, он счастлив в своей холостой и свободной жизни. А мы и без него справимся.

Первый год пролетает очень быстро, несмотря на все трудности с ребенком. Настя уже ходит ножками, говорит «мама», «баба» и «дай», подражает звукам некоторых животных. Я очень много занимаюсь с дочкой, играю в развивающие игры. Но понимаю, что уже близка к декрету головного мозга. Я решаю выйти на работу, когда Насте исполнится полтора года. До ее трех лет сидеть не буду. Пока найму няню, а потом отдам в садик.

Удивительно, но мне есть, куда возвращаться из декрета. Фирма не обанкротилась и не разорилась. Но все так же на ладан дышит. Моей начальницы уже нет. Все-таки уволилась. Теперь другой главбух. Вроде не плохая женщина, но как-то мало заинтересована в работе. Приходит всегда с опозданием, а уходит на полчаса раньше. К работе относится слишком формально.

А вот я наоборот задерживаюсь и перерабатываю. Соскучилась по общению с людьми и слишком одичала в декрете. Мне нравится работать с цифрами, нравится вести бухгалтерию. Видя мой энтузиазм, начальница сваливает на меня больше и больше. А я не против. Няня у Насти хорошая, я спокойна за дочь и могу сильно не торопиться домой. К тому же я до сих пор живу у родителей, они с радостью сидят с внучкой вечерами, когда у няни заканчивается рабочий день.

Постепенно я вместо начальницы начинаю ходить на совещания с гендиректором и отвечать на его вопросы. В стране новый финансовый кризис, который мы едва можем пережить. Половина частных клиник, которые покупали у нас медицинское оборудование, закрылась, а новых покупателей найти не можем. Те клиники, что остались на рынке, покупают медицинское оборудование у нашего конкурента — компании Матвея.

Сейчас я жалею, что не слушала рассказы бывшего мужа про работу и не интересовалась его делами. Возможно, если бы я знала больше секретов бизнеса Матвея, то могла бы помочь своей компании. А так мы только наблюдаем, как Матвей выигрывает тендер за тендером на поставку медоборудования в государственные больницы и поликлиники, а ничего сделать с этим не можем.

В день, когда гендиректор назначает меня главным бухгалтером, приходит новая неутешительная новость. Самый крупный наш покупатель из тех, что остался, не продлевает с нами контракт и уходит... к Матвею. Это окончательная смерть нашей фирмы. Гендиректор пьет валерьянку, два его заместителя пакуют вещи, рядовые сотрудники ходят со слезами на глазах. Все понимают, что очень скоро мы останемся без работы. Наверное, пришло время обновлять резюме и снова ходить по собеседованиям. Но я почему-то этого не делаю. Все время откладываю на потом.

К Матвею я испытываю неконтролируемую злость. От нашего гендиректора и другого начальства я знаю, что мой бывший муж планомерно подминает под себя весь рынок по поставкам медицинского оборудования в Россию. Он хочет стать монополистом. Матвей жестко подавляет конкурентов, уводит у них из-под носа контракты, переманивает к себе их покупателей. И каким-то непонятным чудесным образом финансовые кризисы идут Матвею на пользу. В то время, как из-за кризисов все разваливаются, Матвей становится только сильнее. У него какой-то талант использовать плохие времена в свою пользу.

Я помню, как на экономическом факультете нам рассказывали про Великую депрессию в США. Страшный финансовый кризис начала двадцатого века, который Америка еле пережила. Компании банкротились, люди оставались без работы и в прямом смысле голодали. Но были те, кто на Великой депрессии хорошо нажился. В частности, это был не то отец, не то дед Джона Кеннеди — американского президента, которого убили.

Однажды незадолго до кризиса ему чистил туфли обычный чистильщик обуви и во время этого процесса сказал, что купил на бирже какие-то акции. И Кеннеди подумал: раз уже чистильщики обуви играют на бирже, то рынок слишком перегрет и скоро рухнет, акции обвалятся. Кеннеди сделал ставки на понижение акций. Через некоторое время пузырь действительно лопнул, акции компаний обвалились чуть ли не до нуля, люди потеряли деньги, компании разорились, и только предусмотрительный Кеннеди разбогател и нажился на Великой депрессии, предвидев заранее, что наступит этот серьёзный кризис.

Так вот я это к чему. Матвей каким-то волшебным образом чувствует приближение финансовых кризисов и богатеет на них. Но как он это делает? У Матвея же даже экономического образования нет! Он врач!

Ну почему, почему я не разговаривала с Матвеем о его работе!? Как бы я сейчас помогла нашему гендиректору! Его вчера увезли с инфарктом прямо из офиса. Врачи не дают прогнозов, все слишком серьезно. Место гендиректора временно занимает его сын. Он сильно давит на отдел маркетинга и отдел закупок. Первых заставляет придумывать какие-то привлекательные акции для новых потенциальных клиентов, вторых заставляет побеждать на тендерах. Ни у тех, ни у других ничего не получается.

Я смотрю на бухгалтерию и понимаю, что пошел обратный отсчёт. Наши дни сочтены. Через полтора месяца после инфаркта на работу выходит наш гендиректор. Он будто на десять лет постарел. До этого моложавый и в хорошей форме, сейчас он с сединой и морщинами.

Гендиректор почти ни с кем не разговаривает, никого к себе не вызывает. Сотрудники шепчутся по кабинетам, что вот-вот нам выдадут уведомления о ликвидации компании. Мы все ходим в отдел кадров, спрашиваем, так ли это, но там разводят руками и молчат. Складывается ощущение, что это затишье перед бурей. Раньше, когда гендиректор каждый день на всех орал, мы чувствовали себя спокойнее, чем сейчас, когда он заперся в кабинете и никого не вызывает.

А однажды утром понедельника секретарь гендиректора рассылает на почту письмо, что в 12:00 все должны быть в конференц-зале. Испытывая плохое предчувствие, я с несколькими коллегами занимаю в зале место во втором ряду.

— Жанн, скажи честно, готовите нам уведомления? — допытывается начальница маркетинга у главы отдела кадров.

— Не было распоряжений готовить вам уведомления! Я сто раз говорила!

Постепенно зал наполняется сотрудниками. Всего нас около сорока человек. Ровно в 12:00 распахивается дверь и заходит наш гендиректор с... Матвеем.

Первые несколько секунд я быстро моргаю, не веря своим глазам. Сердце с грохотом проваливается в пятки, тело прошибает холодным потом. Это точно Матвей!?!? Что он здесь делает!?!?

За почти три года после нашего развода стал выглядеть еще солиднее. В идеально отпаренном костюме, с дорогими часами на запястье.

Пульс набатом стучит в ушах, почти заглушая все внешние звуки. Пальцы дрожат.

— Итак, начну без лишних прелюдий, — басит наш гендиректор. Его голос проникает в уши словно сквозь вату. — Я принял решение продать нашу компанию, в ближайшее время сделка будет завершена. Новый собственник — Полетаев Матвей Алексеевич, большинство из вас его знает. Это владелец и гендиректор компании «Мед Лаб». Теперь он будет вашим начальником, а я отправляюсь на заслуженный отдых.

Я сижу ни жива ни мертва, отказываясь верить своим ушам и глазам. Нет! Нет! Нет!

Этого не может быть!

— Матвей Алексеевич, вам слово.

— Приветствую всех! — голос бывшего мужа врывается в барабанные перепонки. Я натягиваюсь как струна, дыхание учащается. Голос Матвея не изменился. Такой же бархатный и тёплый тембр. Память мгновенно перемещает меня на годы назад, когда я млела, слушая бывшего мужа.

Матвей широко улыбается и обводит взглядом наш коллектив. Но как только его глаза доходят до меня, улыбка тут же застывает, а лицо из приветливого и доброжелательного превращается в бескомпромиссно жесткое.

Глава 14. Бывший муж

Я приросла к стулу и не могу шелохнуться. Темно-карие глаза Матвея с моего места кажутся глубоко чёрными. Бывший муж смотрит на меня, не отрываясь. А я на него. Эта заминка продолжительностью несколько секунд становится заметна окружающим. Коллеги поглядывают в мою сторону. Я чувствую себя неловко.

— Приветствую всех! — Матвей, словно очнувшись, повторяет уже сказанное. Отрывается от меня, обводит глазами других сотрудников. — Полагаю, вас интересует вопрос о дальнейшей судьбе вашей фирмы. Я планирую объединить ее со своей компанией под моим брендом. Ваш бренд будет ликвидирован. Масштабных увольнений делать не планирую, но кому-то все равно придется уйти.

Это он про меня?!?

— С каждым из вас я проведу собеседование и приму решение, подходите ли вы мне, — продолжает как ни в чем не бывало. — Спасибо большое за внимание.

На этом Матвей выходит из конференц-зала, а следом за ним и наш гендир. Коллеги начинают громко переговариваться, звучат возмущённые интонации.

— Нет, вы слышали? — доносится до меня словно сквозь вату голос замначальника отдела по работе с госзакупками. — «Приму решение, подходите ли вы мне», — каверкает Матвея. — Да не нужны мы ему, у него своих сотрудников хватает. Уволит нас всех, и хорошо если по ТК с выплатами. Не удивлюсь, если будет вынуждать нас писать заявление по собственному.

Другие коллеги ему тут же поддакивают, соглашаются. Я молча встаю с места и быстро семеню к своему кабинету. Мысли пчелиным роем жужжат в голове. Главная из них — почему я не уволилась раньше, когда видела, что наша фирма откровенно разваливается? Чего ждала? Верила, что все наладится... Наивная дура.

Падаю в компьютерное кресло и обреченно закрываю глаза. Сердце колотится как бешеное. Бух-бух-бух. Боже мой, Матвей! Может, это сон?

А он все такой же красивый... Только уже не родной, а чужой. В груди появляется щемящее чувство. Сквозь закрытые веки на глазах проступают слезы. Я каждый день вижу бывшего мужа в своей дочке, Настя очень на него похожа. Иногда бессонными ночами я вспоминаю счастливые дни нашей семейной жизни. Они ведь тоже были и довольно много.

В нашем с Матвеем браке хорошего было больше, чем плохого. Мы были женаты четыре года, из которых только последние полтора стали тяжелыми. Он много работал, а мне не хватало его внимания. Потом Матвей возобновил общение с друзьями после многолетнего перерыва, а я стала злиться, что он куда-то с ними ходит. Обижалась, что он снова с ними общается, несмотря на мой запрет. Хотя не так уж и часто он с ними встречался, максимум раз в месяц. Я со своими подругами виделась чаще.

Я ревновала Матвея, закатывала скандалы, залезала в его телефон, рассматривала под лупой рубашки. Любое цветное пятно принимала за помаду. Хотя мало ли где Матвей мог испачкаться? Помню, однажды обнаружила на его рубашке зеленое пятнышко и сразу полезла в интернет читать, существуют ли зеленые губные помады. Ну мало ли. А когда забеременела, у меня исказились запахи, и стало казаться, что от Матвея пахнет женскими духами. Мне эти «женские духи» мерещились после развода весь первый триместр. Искажение запахов прошло вместе с токсикозом.

Вспоминая сейчас спустя много лет, понимаю: во многом была не права. И все же, несмотря ни на что, до глубины души обидно, что Матвей решил со мной развестись. Можно было ведь попытаться все исправить. Пойти к семейному психологу или еще что-то придумать. Мы что, были единственной парой в мире, у которой возник кризис в отношениях??? Нет,

конечно. У моих родителей за тридцать лет брака этих кризисов столько было! Но они смогли их преодолеть. А сейчас души не чают во внучке.

А Матвей что? Просто взял и развёлся, когда надоело терпеть мои скандалы.

Слезы выбегают из-под закрытых век и катятся вниз по щекам. Шмыгнув носом, вытираю лицо и включаю компьютер. Надо заняться работой. Что я, в самом деле? Сейчас мы с Матвеем друг другу никто. Не знаю, как он, а я точно счастлива. У меня есть замечательная дочка, а больше мне никто не нужен.

Вот только работать не получается, вместо цифр перед глазами Матвей. Его красивое, некогда доброе и родное, а теперь такое чужое и строгое лицо. Он хоть вспоминал меня иногда? Думал обо мне?

Я ведь его вспоминала и думала...

Бросаю компьютерную мышку и поворачиваюсь на кресле к окну. Там идет снег. В день нашего развода тоже шел снег. Сердце больно сжимается. Матвей... Мы снова встретились. И как теперь быть? Как общаться? Может, мне написать заявление по собственному? Или Матвей сам меня уволит? Так же, как три года назад уволил меня из своей жизни.

Горло стягивает. Рвано выдыхаю. Да, наверное, мне лучше самой уйти. К чему нагнетать обстановку? Еще, не дай Бог, узнает про Настю. Вот этого я точно не хочу. Матвей мне не простит, начнет качать права. Хотя я тут на работе близких друзей не заводила и в подробности своей семейной жизни никого не посвящала. Но все равно. Вдруг Матвей все же каким-то образом узнает, что у меня есть дочь?

Решительно разворачиваюсь к компьютеру, захожу в нашу корпоративную программу и скачиваю бланк заявления на увольнение. Не хочется, конечно, оставаться без работы. Я только купила машину в кредит. Блин! У меня есть немного сбережений, хватит месяца на три, но все равно надо искать новую работу в срочном порядке.

Только я заношу над бланком руку, как звонит рабочий телефон.

— Аллю, — поднимаю трубку.

— Юль, — на том конце провода взволнованный голос секретаря нашего генерального.
— Тебя новый начальник вызывает. Сказал, срочно.

Глава 15. Случайная встреча

Не могу сказать, что в кабинет старого гендир, который, по всей видимости, теперь кабинет Матвея, направляюсь уверенной походкой и с гордо поднятой головой. Хотела бы я, чтобы это было так. Но нет. У меня сбивается дыхание и потеют ладони. Страшно. В правой руке сжимаю заявление на увольнение. Делаю это так сильно, что помялась бумага. Ну и ладно. Какая разница? Пусть подпишет, да и все.

— Заходи, — говорит мне секретарь, как только переступаю порог приемной. Она напугана, сидит бледная как моль. Оно и понятно. Под пятьдесят лет, с лишним весом, в очках. Однозначно Матвей уволит ее. Другое дело — та его сисястая секретарша с сертификатом массажистки. Такие помощницы Матвею по вкусу.

Набрав в грудь побольше воздуха, стучу в дверь.

— Войдите! — раздается громкий голос бывшего мужа.

Но вместо того, чтобы опустить ручку и переступить порог, застываю. Непроизвольно память отбрасывает меня в те дни, когда Матвей приходил домой с работы и таким же громким голосом кричал: «Юль, я дома!». А я бежала ему радостная навстречу и висла на шее.

Трясу головой, прогоняя так некстати возникшее воспоминание. Решительно открываю дверь и делаю шаг внутрь. Но как только дверь захлопывается, отрезая нас с Матвеем от внешнего мира, я снова вся сжимаюсь в комок. Он сидит в кожаном кресле коричневого цвета, на котором раньше восседал наш пожилой гендир. Матвею не идет это кресло. И не идет старый интерьер этого кабинета. Я знаю, что бывший муж чувствует себя тут неуютно. Он не любит коричневый цвет, не любит много дерева. Матвей сторонник минимализма и светлых тонов.

Он неотрывно глядит на меня. Завороженно, зачарованно. Жадно. Как будто не верит своим глазам. В конференц-зале при других сотрудниках Матвей не мог смотреть на меня так, а сейчас не отказывает себе в таком удовольствии. Касается глазами моих волос, шеи, рук, ног. Я чувствую его прикосновения кожей, как будто они реальные.

Молчание затягивается, тишина начинает рвать барабанные перепонки. Стены кабинета сужаются, давят. Воздух становится вязким, дышать все сложнее. Что происходит? Матвей тоже это чувствует? Ведь и я не могу оторвать от него глаз. Разглядываю с любопытством, ищу изменения во внешности. Их почти нет. Но изменился общий облик: Матвей стал взрослее, суровее, серьезнее.

И все же это он, Матвей... Мой бывший муж, которого я любила до остановки сердца...

— Здравствуй, Юля, — не знаю спустя сколько времени Матвей прерывает гнетущее молчание. — Не ожидал тебя здесь встретить.

Я чуть вздрагиваю, машинально делаю небольшой шаг назад. Сильнее стискиваю в руках заявление на увольнение.

— Я тоже не ожидала тебя здесь встретить.

Ничего, что я к нему на «ты»? Или надо было на «вы»? И не слишком ли дерзко я ему ответила? Матвей ведь начальник.

— Да вот решил купить вас, раз продаетесь.

— Понятно.

Матвей откидывается на большую спинку кресла. Держит в пальцах ручку. Снова внимательно меня рассматривает. Боже мой, зачем он это делает? Что хочет во мне разглядеть?

— Кхм, — нервно заправляю прядь волос за ухо. — Я главный бухгалтер. Стала им полгода назад. До этого была просто бухгалтером. Но, думаю, я тебе тут ни к чему. Вот, — подхожу к столу и кладу перед Матвеем заявление на увольнение. — Так будет правильно. Подпишешь?

Матвей не спешит опускать глаза к бланку. Несколько секунд еще гипнотизирует меня. Затем все-таки склоняется к заявлению на увольнение.

— Я ещё не могу подписывать такие документы, — снова поднимает на меня лицо. — Сделка по продаже компании не завершена. Формально я еще не собственник.

Тогда какого фига расселся в кресле нашего генерального? Но вслух не задаю вопрос.

— Понятно. Я тогда отдам на подпись нашему прежнему гендиру.

— Почему ты хочешь уволиться?

Я аж теряюсь на мгновение от такого вопроса. А разве непонятно?

— А ты хочешь работать со мной?

— Не знаю. Я еще не успел об этом подумать.

Я мнусь в нерешительности. Не знаю, что еще сказать. Очень сложно игнорировать ноюще-болящее чувство где-то в груди. Мне все кажется, что это сон и сейчас я проснусь.

— Присядь, — кивает головой на стул напротив своего стола.

Делаю пару шагов и опускаюсь на мягкий стул. Расстояние между нами сильно сократилось. Я могу дотянуться до Матвея рукой, если захочу. Сажу неестественно прямо. От напряжения начинает болеть под лопатками.

— Давай не будем совершать импульсивные поступки, — спокойно начинает. — Ты всегда успеешь уволиться, и я тоже всегда успею тебя уволить. Наша встреча оказалась очень неожиданной. Я не знал, что ты здесь работаешь. По правде говоря, вообще ничего о тебе не знал.

Пожимаю плечами.

— Мы развелись, общего круга друзей у нас не было. Ты не общался с моими подругами, я не общалась с твоими друзьями. Семьями мы ни с кем не дружили, других точек соприкосновения у нас тоже нет. А Москва слишком большая, чтобы случайно столкнуться в магазине.

— И тем не менее мы случайно столкнулись. Или не случайно?

— Что ты имеешь в виду? — не понимаю.

— Сколько ты здесь работаешь, говоришь?

— Почти три года.

О декрете, естественно, умалчиваю.

— Почему после развода ты пошла работать к моим конкурентам? — голос Матвея резко приобретает стальные нотки.

Глава 16. Вопросы

Я хлопаю ресницами, пока до меня медленно доходит, к чему он клонит.

— Ты намекаешь на то, что я специально пошла работать к твоим конкурентам??? — возмущённо восклицаю. — Чтобы что-то им про тебя рассказывать????

— Я просто задал вопрос. Скажи ведь, странное совпадение, что после развода ты устроилась не куда-нибудь, а в компанию, с которой я конкурирую?

Я аж начинаю задыхаться от возмущения. Да как он мог такое обо мне подумать?

— Я когда-то была стукачкой? — цежу сквозь зубы. — Или шпионкой?

— Юля, не нервничай. Я просто задал вопрос, а ты уже завелась и приготовилась скандалить.

Спокойствие Матвея злит меня еще сильнее. Я как будто вернулась на три года назад, когда он невозмутим, а я бешусь.

— Ты подозреваешь меня в стукачестве!

— Прошло три года, а ничего не изменилось, — вздыхает. — Тебе снова мерещится то, чего и в помине нет. Ладно, думай, что хочешь. Я давно не хочу ничего тебе доказывать. Но так как я без пяти минут твой начальник, то будь добра, ответь на прямой вопрос: почему после развода ты пошла работать к моим конкурентам?

Медленно выдыхаю.

— Было очень сложно найти работу. Куда взяли, туда и пошла.

— Ты долго искала работу?

— Больше месяца.

— Почему не ушла отсюда? Наверняка видела по бухгалтерии, что все плохо.

— Да, видела. По разным причинам не уходила.

— По каким? — допытывается.

Облизываю пересохшие губы. В кабинете стало неожиданно душно.

— Сначала хотела наработать опыт для резюме. Потом вроде как привыкла. Потом меня повысили. Потом было лень искать новую работу. Потом надеялась, что все наладится. Ну и в итоге ты нас купил.

— И теперь ты решила уволиться? — кивает на мое заявление у себя на столе.

— Да.

— Из-за меня?

Секунду посомневавшись, честно отвечаю:

— Да.

С пониманием кивает.

— Еще один вопрос: какая у тебя фамилия?

Мои щеки резко вспыхивают. Я чувствую себя как вор, на котором горит шапка. А то он не увидел в заявлении, какая у меня фамилия!

— Полетаева.

С трудом получается произнести. Матвей смотрит прямо на меня. Естественно, видит, как я покраснела до корней волос.

— Почему не вернула свою девичью фамилию?

Бывший муж не выглядит удивлённым тем, что после развода я оставила его фамилию. А впрочем, с самого начала нашего разговора Матвей спокоен как слон.

— А тебе фамилии жалко? — снова злюсь.

— Нет, не жалко. Пользуйся на здоровье. Просто стало интересно. Ну и другие сотрудники могут что-то заподозрить.

— Я скажу, что мы однофамильцы.

— Хорошо. Но ты не ответила на вопрос.

Почему я не вернула свою девичью фамилию, я не могу ответить даже самой себе.

— Мне было лень. Пришлось бы менять много документов.

Отчасти это правда.

— Хорошо. Сегодня у нас... — Матвей переводит взгляд на календарь на столе, — четверг. Сделка по продаже мне вашей компании будет завершена в понедельник. Спокойно без эмоций подумай до этого дня, сможешь ли ты со мной работать. И я тоже подумаю.

Ну вы только посмотрите. Подумает он.

— А какие будут условия, если я решу остаться? — вылетает с ядом.

Кивает.

— Хороший вопрос. Ситуация следующая: у меня есть свой главный бухгалтер, она работает со мной со дня основания моей компании и полностью меня устраивает. Она останется главбухом после слияния фирм. Но через два месяца она уйдет в декрет. Поэтому если меня и ее устроят твои компетенции, то ты будешь главбухом на период ее декрета. А когда она вернется, станешь замом.

Хмыкаю. Ну кто бы сомневался. Следовало ожидать, что после объединения компаний все ключевые должности займут люди Матвея из его фирмы. А мы так, на подхвате.

— Ты сказал, если мои компетенции устроят тебя и ее? То есть, я ещё должна понравиться твоему главбуху? — выгибаю бровь.

— Конечно. Это ведь ее должность. Она должна быть довольна человеком, который будет исполнять ее обязанности.

Проглатываю. Хотя хочется встать, развернуться и уйти. Чувствую себя униженно.

— А что по зарплате? — любопытничаю с ехидством.

— Я знаю, что у вас зарплата намного меньше, чем у меня. Будет зарплата моего главбуха. После ее возвращения из декрета, станешь получать зарплату зама. Но даже оклад зама намного больше, чем у тебя сейчас.

Мне известно, что Матвей платит своим сотрудникам очень щедро. Выше рынка. Он делает это, чтобы было минимум текучки. Матвей не любит, когда часто меняются сотрудники, особенно на ключевых должностях. А так как людей мотивируют в основном только деньги, то вот он и платит им существенно выше средней по Москве.

— Я подумаю до понедельника, — сухо отвечаю.

— Да, подумай.

Возникает неловкая пауза, когда мы оба не знаем, что еще сказать. Мне бы встать и уйти, но почему-то не делаю этого.

— Как ты, Юля? — спрашивает совсем другим голосом.

Этот вопрос как удар под дых. Под ребрами больно сжимается. Матвей снова неотрывно глядит на меня. Словно тоже не может поверить, что мы встретились.

— Все хорошо, — отвечаю хрипло.

Матвей слегка приподнимает уголки губ. Мол, понятно. А потом он опускает взор на мои ладони. Всего на секунду. Увидев, что на мне нет ни одного кольца, возвращается обратно к лицу.

— Я пошла работать, — торопливо произношу и быстро поднимаюсь со стула.

Отворачиваясь, успеваю заметить, что у Матвея тоже нет кольца на безымянном пальце правой руки. Значит, не женился, проскальзывает в голове мысль. Когда мы были женаты, Матвей всегда носил кольцо. Не думаю, что во втором браке он бы перестал это делать.

Выйдя за дверь, без сил приваливаюсь к ней спиной. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

— Ну что? — шепчет секретарша нашего старого гендира. — Как он тебе? Что говорил? Не уволил? Слушай, а вы с ним не родственники? Он тоже Полетаев.

Вот и ожидаемый вопрос. Матвей прям предвидел.

— Однофамильцы.

— Но раньше были знакомы?

— С чего ты взяла? — настораживаюсь.

— Он как сюда зашёл, сразу сходу спросил, сколько в компании Юль работает. Я ответила, что одна. Он спросил: «Кем работает?». Я ответила: «Главный бухгалтер». Он сказал, срочно тебя позвать. Мне показалось, он тебя знал.

Неопределённо веду плечами.

— Нет, мы не знакомы. Может, у него личная неприязнь к Юлям.

Секретарша хихикает:

— Ага, наверно, бывшую так звали.

Прям как в воду глядит.

— Ну а в целом как он тебе? Будет нас увольнять, ничего не говорил? — секретарь перестает хихикать и снова становится напуганной.

— А ты умеешь делать массаж?

— Что?

— Массаж умеешь делать? Не училась на таких курсах?

— Нет, не умею, — недоуменно хлопает маленькими глазами.

— Тогда, боюсь, тебе придется пойти на выход. Но ты не расстраивайся. На самом деле он очень скверный начальник. Любит работать допоздна и по выходным и секретаря своего всегда вызывает. Так что если останешься тут, забудешь про выходные и праздники.

Пока не последовало новых вопросов, тороплюсь уйти.

Глава 17. Подпиши

Взвесив все «за» и «против», решаю уволиться, но доработать календарный месяц, чтобы получить полную зарплату. Риск того, что Матвей узнает о Насе, слишком велик. Мало ли, кто-нибудь проболтается ему, что я ходила в декрет. Я не хочу выяснять с бывшим мужем отношения, что-то ему объяснять и доказывать. Вернуть время назад, я бы не стала скрывать ребенка. Но раз я это сделала, то что-либо менять не хочу.

Честно, увольняться не хочется. Делаю это с тяжелым камнем на душе. Надо искать работу и поскорее, поскольку на мне висит кредит за машину. К тому же неизвестно, получится ли найти аналогичную должность и зарплату. Да Бог с ней, с должностью, мне звание главного бухгалтера не столько принципиально. А вот зарплата важна. Зная, что Матвей будет платить мне существенно больше, чем у меня сейчас, аж слезы на глаза наворачиваются.

«Может, все-таки остаться?», проскакивает в голове шальная мысль, но я гоню ее подальше.

Нет, мне моя налаженная жизнь и спокойствие дороже. А с Матвеем неминуемо ждет скандал сразу, как только он узнает о дочке.

В пятницу Матвей снова приезжает к нам в офис. Прежний гендир передает ему дела. В понедельник они завершают сделку по продаже компании, и бывший муж проводит с нами первое совещание. Я впервые вижу его за рабочим процессом. Матвей говорит кратко и по делу, задает прямые вопросы и ждет прямых ответов. Если кто-то начинает увиливать, тут же прерывает и требует ответить на четко поставленный вопрос.

Матвей не повышает голос, но его спокойного тона все боятся больше, чем ора прежнего гендир. Со старым начальником все знали: покричит и успокоится. С Матвеем не так. Он ко всем подчиненным на «вы», со всеми спокоен, но в любой момент так же тихо может сказать: «Вы мне не подходите. Всего доброго».

Лучше бы Матвей орал...

Бывший муж много кого увольняет. Человек двадцать, наверное. С другой стороны, это логично, и, должно быть, при слиянии компаний всегда так происходит. Зачем Матвею столько людей? К тому же у него есть свой слаженный коллектив, а мы для него незнакомцы. Мне интересно, меня решил оставить, потому что я действительно хороший бухгалтер или потому что мое увольнение будет выглядеть будто бы месть мне? А впрочем, не важно. Я все равно уволюсь сама.

Главбух Матвея, чье место я должна занять на период декрета, мне нравится. Думаю, мы бы сработались, если бы я не решила уволиться. Но ни ей, ни Матвею я пока о своем решении уйти не говорю. Бывший муж больше не вызывал меня к себе на аудиенцию. Мы видимся только на общих совещаниях, которые проходят каждый день, а то и по два раза. Все, что касается бухгалтерии, я обсуждаю с его главбухом, и она сама ходит в кабинет Матвея.

Мне интересно, что Матвей чувствует? Вот он случайно меня встретил через три года после развода. Неужели сердце не ёкнуло? Он ведь меня любил. Я знаю, что любил. И никогда не изменял. Это мне тоже теперь ясно.

На совещаниях я ловлю на себе его взгляды. Матвей смотрит на меня не как на других сотрудников. Даже вопросы мне задает другим голосом, другой интонацией. С остальными он общается сухо и строго, а со мной с теплотой. Я бы подумала, что мне кажется, если бы другие сотрудники не заметили и не стали задавать вопросов.

— Юль, а вы с ним точно не родственники? — спрашивает как-то после очередного совещания сотрудница отдела маркетинга.

— Нет, однофамильцы.

— Да дело не в фамилии.

— А в чем?

— Он к тебе как-то по-доброму относится. Не как к остальным.

— С чего ты взяла? — спрашиваю настороженно.

— Это видно. Он со своей главбухши спрашивает строже, чем с тебя, хотя она из его команды и беременная. Короче, ты у него в любимчиках.

Я не знаю, как к этому относиться. Матвей действительно выделяет меня среди других сотрудников. Возможно, он делает это произвольно, но факт остается фактом: ко мне он добрее, чем к другим, и окружающие это замечают. Матвей иногда может так на меня посмотреть во время совещания, что сердце дрожать начинает.

Мне и самой стоит больших усилий не разглядывать бывшего мужа прилюдно. Сложно не отмечать, какой Матвей красивый и деловой, как ему идет быть руководителем. Произвольно я начинаю вспоминать счастливые моменты нашей семейной жизни. А потом еще представлять, как бы все могло быть, если бы мы не развелись, и у нас родилась Настя.

Это путь в никуда. Поэтому я беру себя в руки и снова пишу заявление об уходе. Не дожидаясь, когда закончится календарный месяц. Фиг с ней с зарплатой. Надо бежать, иначе снова погрязну в Матвее. Ничего хорошего из этого не выйдет. Вместе мы не будем, а страдать и доводить себя до нервного истощения, как раньше, я не хочу. У меня дочка. Ради нее я должна быть собранной и трезво мыслящей.

С новым заявлением об уходе иду к Матвею. Секретарша говорит, что он не занят. Пару раз стучу в дверь и опускаю ручку.

— Можно?

Матвей слегка удивлён, что я к нему пришла.

— Да, проходи, — отрывается от компьютера.

Плотно закрываю за собой дверь и сажусь на стул. На совещаниях в присутствии других людей мы общаемся на «вы», я называю Матвея по имени-отчеству. Но наедине в этом нет необходимости. Даже больше: будет слишком нелепо.

— Я думала несколько недель и решила уволиться, — приступаю сразу к делу. — У меня осталось две недели отпуска, так что я возьму его с последующим увольнением. Подпиши, пожалуйста.

Кладу бланки Матвею на стол.

Он растерян. Опускает глаза в бумаги, читает, потом снова поднимает на меня.

— Почему ты решила уволиться? Антонина хвалила тебя, говорила, что вы сработались.

— Да, у тебя хороший главбух, мы нашли общий язык. И все же я хочу уволиться.

— Потому что будешь исполняющей обязанности, а потом ее замом?

— Нет, по личным причинам.

Какой смысл скрывать и придумывать глупые отговорки? Я увольняюсь из-за Матвея.

— Из-за меня?

— Да.

Матвей вздыхает и откладывает в сторону ручку.

— Разве я как-то тебя обижаю или притесняю?

— Нет. Наоборот слишком хорошо ко мне относишься. Другие сотрудники начали замечать.

— И поэтому ты увольняешься?

— Я не хочу работать с тобой, Матвей, — честно говорю. — Это странно. Мы были мужем и женой. У нас были счастливые два с половиной года и ужасные полтора года. У нас был не очень красивый развод, после которого мы не виделись три года. И сейчас вдруг работать вместе? Я так не могу. Я не такой робот, как ты.

— Я тоже не робот, Юля, — произносит устало. — Мне тоже странно и необычно видеть тебя каждый день в качестве своей подчинённой, прилюдно разговаривать с тобой на «вы» и делать вид, что у нас не было четырёх лет вместе.

— Тем более.

— И все же это не повод, чтобы ты уходила.

— Повод.

— Нет, Юль.

Боже, как же звучит его это «Нет, Юль». Как мольба. Быстро сглатываю непонятно откуда образовавшийся ком в горле.

— Матвей, давай не усложнять? — тихо прошу. — Просто подпиши.

Качает головой.

— Я не хочу подписывать.

— Почему?

Молчит. Смотрит на меня и молчит. Его взгляд в душу пробирается и наизнанку ее выворачивает. Зачем он это делает? Почему не может просто подписать?

— Подпиши, — требую.

Медленно качает головой.

— Подпиши.

— Нет.

— Подпиши! — перехожу на крик.

Он даже не берет в пальцы ручку.

— Ты просто издеваешься надо мной! — вскакиваю на ноги. — Можешь не подписывать. С понедельника у меня отпуск, а через две недели вернусь из него, чтобы забрать вещи и документы. Хороших вам выходных, Матвей Алексеевич.

— Юль, подожди.

Не успеваю развернуться к двери, как Матвей оказывается возле меня и хватает за руку. Его прикосновение обжигает словно пламя. Он, видимо, тоже что-то чувствует, потому что резко меняется в лице. Но не убирает руку, а идет дальше — кладёт вторую ладонь мне на талию.

— Юль...

Меня парализует на несколько секунд, но удаётся быстро собраться. Вырываюсь из захвата Матвея и отхожу на шаг.

— Никогда не смей ко мне прикасаться, — шиплю. — Сегодня у меня последний рабочий день. С понедельника отпуск с последующим увольнением. Мне все равно, подпишешь ты или нет. В понедельник меня здесь уже не будет.

Стремительно выбегаю из кабинета с колотящимся сердцем.

Глава 18. Ревность

Матвей

Юля выбегает из кабинета, а я остаюсь наедине с ее заявлением об уходе. Возвращаюсь в кресло и беру в руки бланк. Долго смотрю на красивый аккуратный почерк. Потом откладываю заявление в сторону и падаю затылком на мягкую спинку кресла.

Юля...

Я не собирался сам возвращать ее в свою жизнь. Но она вернулась волею судьбы, и у меня ни идеи, что делать дальше. Одно ясно: отпускать не хочу. Но не понимаю, как хорошего бухгалтера или как девушку, от которой спустя столько лет ёкает сердце.

В прошлом мы совершили много ошибок. Сейчас, оглядываясь назад, я могу объективно оценить произошедшие события. Мы поженились в двадцать лет, а на момент свадьбы были знакомы всего пять месяцев. У нас была безумная любовь, мы друг в друге растворились. Но ни у меня, ни у Юли не было опыта серьезных отношений. Брак — это не только любовь. Это ещё умение разговаривать, обсуждать проблемы и находить компромисс.

А с этим у нас были сложности с самого начала. Мы не умели договариваться и приходиться к компромиссу. Например, Юля с первого взгляда невлюбила моих друзей, даже толком не познакомившись с ними. Я привёл Юлю на одну из студенческих тусовок, а она увидела, что в нашей компании много девушек и сразу напряглась. Потом она заметила, как три мои близких друга — Сергей, Женя и Костя — легко общаются с девушками и к концу вечера уходят с ними в обнимку.

Всё. Это был конец света. Юля навешала на моих друзей ярлыков и запретила мне с ними общаться. Она почему-то полагала, что мои друзья могут плохо на меня влиять. Как будто мне пять лет, и у меня нет своих мозгов. Как будто если мои друзья выпрыгнут в окно, то я тоже выпрыгну в окно.

Юля очень ревнивая. Она не хотела замечать, что я осознанно выбрал только ее. Кто меня в двадцать лет заставлял вступать с девушкой в серьёзные отношения, а через пять месяцев жениться на ней? Никто. Я сам захотел, потому что полюбил Юлю. Я мог бы менять девушек как перчатки. Мог бы каждую ночь проводить с новой. Но я этого не хотел. Мне это было неинтересно. Я хотел быть только с Юлей. Но факт того, что из всех девушек вокруг я выбрал именно ее, не был для Юли доказательством моей любви. Она все равно меня ревновала.

Я еще пытался подружить Юлю со своей компанией, водил ее на наши мероприятия. Но она была как не в своей тарелке. Ей никто не нравился, в том числе девушки. Особенно девушки. Ревновала меня к каждой однокурснице. Видя свободную и ничем не обремененную жизнь моих приятелей, Юля почему-то была уверена, что они собьют меня с пути истинного, и я начну ей изменять, а потом брошу. Один из моих приятелей неудачно пошутил, сказав, что я без разрешения своей девушки шагу никуда не делаю, и она вовсе восприняла мою компанию в контры.

Под Юлиным давлением я сократил общение с друзьями до минимума. Общался только по телефону, но никуда с ними больше не ходил. Что меня не пускает девушка, естественно, не рассказывал, но они сами догадались, потому что я стал игнорить приятелей именно с появлением в моей жизни Юли. Они же не слепые. Прекрасно замечали, как на наших мероприятиях Юля сидела в углу и ни с кем не хотела общаться, а я прыгал вокруг нее. Друзья начали надо мной посмеиваться и в шутку называть подкаблучником. Я не обращал на это внимание и не обижался. А вот Юле не нравилось.

Один раз Сергей позвонил мне вечером, когда мы с Юлей лежали в обнимку и смотрели фильм. Куда-то меня позвал, я сказал, что не могу. Он засмеялся в трубку и протянул: «Капец ты в подкаблучника превратился, Мот. Что она с тобой сделала? Заколдовала? Или запилила до

смерти?». Голова Юли лежала рядом, а динамик у меня на телефоне громкий, и она это услышала. Произошел скандал, и Юля запретила мне общаться с приятелями даже по телефону.

У нас не было попыток поговорить, обсудить, найти компромисс. Юля раскричалась, запретила, а я чтобы ее не расстраивать и не накалять обстановку, согласился. Я любил Юлю, она была для меня важнее всех друзей вместе взятых. Мне не хотелось прерывать дружбу с приятелями, но Юля была на первом месте.

Потом я сделал ей предложение. Мы стали готовиться к свадьбе. Юля хотела большое торжество, много гостей. На свадьбу я друзей пригласил, хоть Юле это не очень понравилось. Да ничего такого они на нашей свадьбе не делали. Ну флиртовали с какими-то девушками. Ну танцевали с ними. А Юля и в этом увидела что-то подозрительное, мол, то с одной флиртуют, то со второй, то с третьей. Непорядок. Так нельзя. Им лишь бы снять на одну ночь, они аморальные...

Короче, после свадьбы был уже капитальный запрет на общение с друзьями. В качестве альтернативы Юля предложила мне дружить с ее подругами. Пару раз я ходил с ними в кафе. Они обсуждали маникюр, шеллак, еще какие-то женские вещи, а я сидел рядом как пятое колесо и молчал. Да и Юлины подруги как-то странно на меня поглядывали, мол, чего приперся, у нас бабская вечеринка.

Естественно, я перестал ходить с Юлей и ее подругами. Дружить парами мы ни с кем не могли, потому что ни у моих друзей, ни у Юлиных подруг пар не было. Так мое общение с друзьями практически сошло на нет. Связь оставалась только с Сергеем Холодом, потому что он был моим однокурсником. Женя учился на три года старше, был уже в ординатуре и работал. А Костя вообще в другом вузе и на другой специальности. С ними двумя общение полностью прекратилось.

К концу института отец помог мне с бизнесом, я увлёкся работой, и это компенсировало мне общение приятелями. У меня было интересное дело, любимая Юля и по остаточному принципу учеба, которую нужно было просто закончить ради диплома. Юля училась, еще чем-то увлекалась, встречалась с подругами. Я-то не запрещал ей с ними общаться.

Потом Юля закончила учебу и начала работать. Ей не повезло с начальницей. Возвращалась поздно и замученная, часто плакала и жаловалась, а по утрам не хотела идти в офис. У меня к тому моменту уже пошла хорошая прибыль от бизнеса, мы ни в чем не нуждались. Я предложил Юле уволиться и заниматься домом, захотел ребенка. Она согласилась.

Я не заставлял Юлю увольняться, не сажал ее дома силой. Это даже не было долгим разговором, обсуждением или дискуссией. Я один раз заикнулся, а она моментально согласилась. Это и добило нас окончательно.

Глава 19. Последняя капля

Матвей

Первое время все было нормально. Наше счастье продолжалось. Юля оказалась довольна, что ей больше не нужно терпеть гнёт старой гримзы, с удовольствием занималась бытом. Я работал и каждый вечер спешил домой к Юле. У нас были уют, тепло, романтика. Мы не ругались, понимали друг друга с полуслова. Это было тихое семейное счастье.

Я долго потом вспоминал именно это время, когда мне хотелось спешить домой к Юле. Мы по десять минут целовались в прихожей, соскучившись друг по другу за день. Я каждый день дарил Юле цветы, хотел радовать ее и видеть ее улыбку. И Юля тоже для меня старалась. Готовила вкусные блюда, придумывала нам интересный досуг.

Но постепенно в наших отношениях стало появляться раздражение. Юля не могла забеременеть и сильно из-за этого злилась. Инициатива родить ребенка была моей, я хотел ребенка, но в том, что не получается сразу, проблемы не видел. Ну сейчас не получается, потом получится. Мы достаточно молодые, успеем еще.

Юля сильно расстраивалась, накручивала себя, плакала. Я успокаивал ее, говорил, что ничего страшного, но она все равно заиклилась на проблеме. Она возвела эту проблему в конец света. Параллельно к Юле вернулась ревность, хотя с друзьями я не общался даже по праздникам. Я жил по маршруту дом — работа — дом.

Жена пришла ко мне в офис, увидела, что много сотрудниц-женщин. Предъявила претензию, почему в моем коллективе женщин больше, чем мужчин. Я аж сходу не нашёлся, что ответить. Я вообще не задумывался о том, что у меня в компании сотрудников женского пола больше, чем мужского. Я ответил, что кто подошёл по компетенциям, того и взял. Юле мой ответ не понравился, она устроила скандал прямо в офисе.

Дальше все нарастало, как снежный ком. Почему ты пришел на полчаса позже, где ты был, кто тебе звонит... Первое время я еще сохранял спокойствие, списывая на то, что у Юли сдают нервы из-за неудачных попыток забеременеть и со временем все наладится. Но становилось только хуже. Мы пошли по врачам, и Юля стала ревновать меня к женщинам-врачам. Даже к тем, которые в глубоком возрасте.

Меня злили ревность и недоверие Юли. Мы стали ругаться. Я не понимал, почему должен доказывать, что я не верблюд. Я на других девушек даже не смотрел, но постоянно должен был оправдываться. Любая попытка нормально поговорить заканчивалась скандалом. Мы не умели говорить. Или не хотели. Наверное, больше второе. Юля требовала, а я не понимал, с какой стати должен оправдываться за то, в чем не виноват.

В бизнесе я делал успехи, и мне все меньше хотелось возвращаться домой. Иногда ловил себя на том, что не несут ноги. Знал: сейчас приду и начнутся новые претензии. Получался замкнутый круг. Я задерживался на работе, чтобы оттянуть наступление скандала, а когда приходил домой, скандал начинался со слов: «Почему ты так поздно?».

Я видел, что Юле нечем заняться. Она сходила с ума в четырех стенах. Сто раз пожалел, что предложил ей стать домохозяйкой. Когда у Юли была учеба и какие-то увлечения, она отвлекалась. Я предложил жене снова устроиться на работу, а ей это не понравилось. Мол, ты же сам не хотел, чтобы я работала, чего это твоё мнение изменилось. Параллельно масла в огонь подливали врачи. Они говорили, что мы оба здоровы и можем иметь детей, а на наши вопросы, почему не получается, разводили руками. А какой-то идиот-врач вообще заявил: «Вы несовместимы друг с другом. С другими партнерами у вас получатся дети». Как только мы сели в машину, Юля упала лицом в ладони и зарыдала так, словно кто-то умер.

— Ты бросишь меня, да? Ты уйдёшь от меня к той, которая тебе родит? — причитала, захлебываясь слезами.

Я успокаивал Юлю, говорил, что люблю ее и не собираюсь бросать, что никто мне кроме нее не нужен.

Жена начала обнюхивать мои рубашки, выискивать на них какие-то пятна, залезать в мой телефон. Это уже была паранойя. «Откуда на твоей рубашке красное пятно? Это помада?». Да я откуда знаю, откуда на ней красное пятно. Где-то вымазался. Не помню. Я устал доказывать Юле, что не изменяю, поэтому просто забил болт. Решил: если ей хочется думать, что я изменяю, пускай думает.

Однажды я получил звонок из прошлого. Просто так без повода мне позвонил мой однокурсник Сергей Холод. Спросил, как мои дела, чем занимаюсь и жив ли я вообще.

— Не жив, но выживаю, — отшутился. В моей шутке была большая доля правды, потому что последнее время с женой превратилось в выживание.

Сергей предложил встретиться нашей компанией. Костю и Женю я не видел после нашей с Юлей свадьбы, а Сергея после выпускного в меде. Я с радостью согласился. Серега позвонил мне в пятницу, и мы договорились на этот же вечер.

Я был безумно счастлив снова увидеть друзей. Меня даже не смущало сочувствие в их глазах. Я никогда не жаловался им на Юлю, но они сами все прекрасно понимали. Не дураки ведь. К тому же Юля, когда я пытался подружиться ее со своей компанией, не стеснялась говорить вслух то, что она думает. Назвала моих приятелей аморальными типами, Костя это услышал. Не обиделся, конечно, а поржал.

— Как дела, Мот? Ты жив там вообще?

С этих вопросов началась наша встреча. Я не хотел ныть и жаловаться, но в общих чертах честно рассказал, что мы с женой переживаем сложный период.

— Так я и знал, что нет жизни после свадьбы, — цокнул Холод. — А дети?

— С детьми пока не получается.

— А чем Юля занимается? — поинтересовался Женя.

— Ничем, домохозяйка.

— Она же училась на кого-то? — удивился Костя.

— Да, на экономическом. Она поработала немного после универа, но ей не повезло с начальницей. Сейчас занимается домом. Моих денег нам хватает.

— Может, ей на работу пойти, чтобы хоть немного развеяться?

Я не хотел продолжать обсуждение своей семейной жизни. Во-первых, они все не женаты и не собираются, а потому не поймут меня. То, что приятели повесили на меня клеймо подкаблучника, я и так знал. Я на них не обижался. Мнение о Юле у них было плохим, и вот это мне уже не очень нравилось. Напрямую про мою жену, конечно, ничего мне не говорили, но я понимал их реальное отношение к ней. Я не хотел, чтобы друзья плохо думали про мою жену.

— У Юли много работы по дому, — ответил чуть со злостью. — Ей есть чем заняться. К тому же у меня прекрасно идет бизнес. Моей жене нет необходимости пахать с утра до вечера. У нее и так полно забот по дому. А я могу обеспечить свою семью всем необходимым.

Друзья согласно покивали, и мы сменили тему.

Я ушел из бара ровно в двенадцать ночи, ближе к часу был дома. В том, что Юля встретит меня с претензиями, даже не сомневался. Я с порога сказал, что виделся с друзьями, и сразу закрылся в своем кабинете. Не желая слушать ее вопли, засунул в уши наушники и включил громкую музыку. Так что понятия не имею, что она там орала за дверью.

Так я снова стал общаться с друзьями. Виделся с ними примерно раз в месяц. Я уходил из бара часов в одиннадцать-двенадцать, а друзья еще оставались. Не знаю, что они делали после моего ухода. Может, познакомились с кем-нибудь. Это их дело, а не мое. Юля была крайне недовольна тем, что я возобновил общение с друзьями, но мне было по фиг.

Правда, мне не нравилось, что она стала угрожать разводом. Несмотря ни на что, я не хотел разводиться. У меня сохранялись чувства к Юле. Я наивно полагал, что все еще может наладиться. Мы же были счастливы в начале. Почему сейчас не можем?

Но, справедливости ради, я не делал ничего, чтобы вытащить нас из кризиса. Только больше закрывался от Юли, больше уходил в работу. Я чувствовал колоссальную усталость и просто ждал, что однажды кризис в отношениях рассосётся сам собой. А он все не проходил и не проходил.

Я вообще перестал реагировать на Юлины претензии. Пропускал их мимо ушей. Она мне что-то высказывала, а я в этот момент думал о работе или о чем-то своем, даже не слушая жену. Так у меня появилась некая зона комфорта.

Я любил Юлю, но я ничего не сделал, чтобы нас спасти.

А спасти можно было. Да хоть к тому же семейному психологу пойти. Юля ведь не была такой в начале. Мы были счастливы первые годы после свадьбы. Она превратилась в истеричку позднее. Ну да, ревнивая. Но полно ревнивых людей, как-то же с ними уживаются, строят семьи, находят компромисс. Можно было попытаться. А мы не попытались. Юля гнула свою линию, а я просто закрылся от нее и игнорировал.

Ситуация с массажем стала кульминацией событий. У меня заболела спина. Такое периодически случалось, меня спасал массаж. Я попросил своего секретаря Анну записать меня к массажисту. Через десять минут Анна вернулась ко мне в кабинет и сказала, что у массажиста плотная запись на несколько недель вперед. Тогда я попросил Анну вызвать из какой-нибудь частной клиники врача или медсестру, чтобы мне укололи обезболивающее.

Анна звонила-звонила и все не могла дозвониться. В одной клинике пятнадцать минут висела на линии и слушала музыку в ожидании ответа оператора. Во второй сказали, что смогут приехать только в будний день. В третьей не было такой услуги. В четвёртой еще что-то.

Тогда я решил сделать себе укол сам и послал Анну в аптеку за препаратом и шприцами. Несмотря на то, что я учился в меде, самому себе делать уколы не приходилось. Да и другим людям тоже практически не делал. Только во времена учебы.

Анна вернулась через полчаса и сказала, что обошла все аптеки в округе, а конкретно этого обезболивающего не оказалось.

— Ну купили бы другой препарат, — недовольно ответил.

— Какой?

— Позвонили бы, я бы сказал, какой.

— Ой, я не подумала. Давайте еще схожу.

Я стал злиться, что секретарь не может выполнить такое простое поручение. Анна испугалась, занервничала. Она была очень ответственной, с синдромом отличницы. Это мне в ней нравилось.

— Матвей Алексеевич, я училась на курсах массажа, собиралась работать массажисткой, но не сложилось, — нервно затараторила. — Я могу сделать вам массаж. Доплачивать за это не надо.

Я смерил Анну взглядом. В моем представлении массажистом может быть только мужчина, потому что для хорошего массажа должны быть сильные руки. У Анны руки на сильные не тянули. Вряд ли она поднимала что-то тяжелее пакета с продуктами.

Но спина сильно ныла и не давала работать. Из-за боли я не мог сконцентрироваться на делах.

— Я окончила курсы с отличием, — продолжала. — У себя в семье всем делаю массаж. Папе делаю, брату, жениху.

Это было больше похоже на оправдание. В глазах Анны плескался испуг. Наверное, боялась, что я лишу ее премии за то, что не выполнила простое поручение. Конечно, я бы не

лишил ее премии. Но мне не нравилось, что за полтора часа она не смогла ни медсестру ко мне вызвать, ни сама купить обезболивающее.

— А где вы будете делать мне массаж? — устало спросил. — У меня нет ни массажного стола, ни дивана.

— Давайте попробуем стоя.

— Стоя?

— Да.

— Разве делают массаж стоя?

— Если нет возможности сделать лежа, то можно стоя.

Я не эксперт в массаже. На курсах не учился. В медицинском не помню, рассказывали ли нам что-то о мышцах и массаже. Даже если рассказывали, я слушал невнимательно. Согласился. Спина ныла, хотелось побыстрее это облегчить. Анна спросила, где именно болит. Я снял рубашку, показал. Ее массаж и близко не был профессиональным. Она нервничала и царапала меня своими длинными ногтями.

— Да успокойтесь вы, я не лишу вас премии, — нервно проговорил.

— Правда? — уцепилась, как утопающий за соломинку.

— Правда.

— Спасибо большое, Матвей Алексеевич. А то я скоро замуж выхожу, мы с женихом копим на свадьбу, каждая копейка на счету. Я приглашу вас с супругой на свою свадьбу.

— Спасибо, — буркнул.

Анна принялась мять мне спину интенсивнее. Вроде ноющая боль притупилась. Или это было самовнушение.

— Еще надо грудную зону, — сказала.

— Хорошо.

Анна встала передо мной и стала мять грудную клетку. В этот момент дверь распахнулась, и вошла Юлия.

Конечно, я понимал, как массаж от секретарши выглядит со стороны. Но к тому моменту меня настолько достали претензии Юли, настолько надоело перед ней оправдываться, что не было ни малейшего желания что-либо ей объяснять. Зачем? Она все равно продолжит подозревать меня в изменах. Поэтому я отправил Юлю домой, надеясь, что она там переберется, и мы сходим в кино, как договорились.

Боль в спине не прошла, я не смог толком работать. Идти в кино не было ни малейшего желания, но не хотел расстраивать Юлю еще больше. Из офиса поехал в кинотеатр и час прождал жену. Звонил ей, она не отвечала. Когда приехал домой, увидел полный погром.

Это стало последней каплей.

Глава 20. Порознь нам лучше

Когда Юля впервые начала угрожать разводом, я испугался. Несмотря ни на что, я не хотел разводиться, потому что любил Юлю и верил, что между нами все наладится. Тем более в нашем аду периодически случались проблески. Например, мы ехали в отпуск, и там Юля расцветала. Две недели отдыха мы жили как в сказке. Не ругались, даже не повышали голос. Как ни странно, Юля не ревновала меня к девушкам на пляже. Наоборот, жена сияла. Держала меня за руку, счастливо улыбалась, ластилась ко мне.

Так что я знал и верил, что все может наладиться. И разводиться не хотел.

Со временем угрозы Юли о разводе стали обыденностью. Я пропускал их мимо ушей. Но если видел, что она начала собирать чемодан, то останавливал ее. А потом я сам стал думать о разводе. Он стал казаться мне единственным выходом из сложившейся ситуации.

По ночам я смотрел на спящую жену и с болью в сердце понимал: у нас нет будущего. Потом вспоминал счастливые времена и думал: «Ну было же хорошо! Может, еще наладится?». Но чем дальше, тем яснее становилось: не наладится. Мы в тупике, из которого нет выхода.

Погром в квартире стал апогеем всего. Финишем. Захлопнулась крышка нашего собственного гроба. Я принял решение мгновенно и не собирался отступать. Так дальше нельзя. Никто не счастлив. А верить, что однажды все само собой наладится, — по-детски наивно.

Новость о беременности стала потрясением. Приятным потрясением. Мы столько пытались, так сильно хотели и наконец-то. Вот только это произошло слишком поздно. Когда от нас остались одни руины. Соблазн отменить заявление на развод был велик. Но я сдержал себя. Что ждет нашего ребенка, если он будет расти в атмосфере бесконечных скандалов, упреков и претензий? Какой пример родителей он будет видеть перед собой? Что он вынесет с собой из семьи во взрослую жизнь? Что когда мама бесконечно упрекает папу, а папа забивает на маму и ее претензии болт — это нормально?

Я не хотел, чтобы наш ребенок рос в токсичной атмосфере и с детства был со сломанной психикой. Лучше не полная семья, но адекватные родители, чем полная семья с ненормальными родителями. А в то, что после развода нам с Юлей удастся сохранить адекватность, я верил. Порознь мы можем быть нормальными. Мы и вместе можем, но...

Слишком много «но».

Я ушел из квартиры и оставил Юлю одну. Я сделал это специально. Первый триместр беременности — очень важен. Юле нужно находиться в покое, и, уйдя, я дал ей этот покой. Главной причиной ее нервотрепок и истерик был я. Мне нужно было исчезнуть, чтобы она успокоилась и пришла в себя, начала думать о ребенке, а не о том, почему уже девять, а меня до сих пор нет дома и что это за подозрительное пятно на моей рубашке.

Но весь месяц я места себе не находил. Как она там? Все ли в порядке? Не нужно ли чего? Порывался позвонить, но останавливал себя. Думал, если позвоню, то только раздракonné Юлю, а ей надо быть в покое, не нервничать. Много размышлял о ребенке. Радовался. Гадал, сын или дочка. Представлял малыша. Даже зашел в детский мир у офиса и прошёлся по рядам. Подошёл к игрушкам, покрутил в руках. Купил одну куклу и одну машинку.

Сердце болело. Особенно когда смотрел на счастливые семейные пары с детьми. Нам с Юлей никогда такими не стать. Почему? Где мы ступили не туда? Риторические вопросы.

Я почти каждый день заходил в детский мир и покупал что-то малышу. Выбирал подходящее для мальчика и для девочки. Взял довольно много одежды: ползунков, комбинезонов, распашонок, пелёнок. Мне никогда раньше не приходилось иметь дело с детьми и детскими товарами, но все оказалось интуитивно понятно и не сложно. Стоя перед рядом с сосками и бутылочками, разговорился с одним мужчиной. Он покупал ребенку новую пустышку. Дал мне

очень много дельных советов, рассказал, какие бутылочки лучше, какие хуже. Потом рассказал, как выбирать коляску, на что обращать внимание, какие у нее должны быть колёса.

Мне хотелось к Юле, хотелось разделить с ней нашу общую радость. А потом думал, что вот сейчас приеду к ней и будет новый скандал, и сразу так гадко на душе становилось. Она, кстати, тоже не звонила и не писала. Я принимал это за хороший знак. Значит, все в порядке. Если бы что-то было не так, я бы уже знал.

Один раз все же решился отправить ей курьером корзину с фруктами. Опасно, конечно, лишний раз напоминать о себе и выводить Юлю на эмоции. Сказал курьеру, чтобы не звонил в квартиру, а оставил корзину у двери. Юля сама увидит и заберёт ее. От жены никакой реакции на мою посылку не последовало. Я снова принял это за хороший знак. Отправил ей еще фруктов, букет цветов.

Наступил день развода. Тяжёлый день. Я не спал всю ночь, много думал. Может, не разводиться? Попробовать все наладить? Вдруг получится? А потом вспоминал скандалы, и внутри все опускалось. Месяц порознь, как оказалось, пошел на пользу. Юля не звонила, не писала, спокойно забирала мои посылки, оставленные у двери. Когда перед глазами нет главного раздражителя — меня — Юля спокойна. Была б не спокойна, уже бы оборвала мне телефон и примчалась как фурия на работу.

Развод необходим, с тоской понимал я. В первую очередь для спокойствия самой Юли. Ей нужно нормально выносить ребенка и родить. С истериками это будет сложно. А потом, кто знает, может, после рождения малыша мы сможем найти новые точки соприкосновения. Это же всего лишь штамп в паспорте. Формальность. Надо будет, снова потом поженимся и шлём его на страницы удостоверения личности. А пока Юлю нужно поместить в обстановку покоя и умиротворения, не мельтешить у нее перед глазами и не драконить подозрениями в изменах, которых в помине нет.

С этими мыслями я приехал в загс. Увидев Юлю, сердце сразу сжалось. Так хотелось обнять ее. Но я решил не отступать от намеченного. Юля была спокойна, разговаривала со мной сдержанно, без претензий и обвинений. Месяц порознь пошел на пользу, лишний раз убедился я. И хорошо, что я не звонил и не приезжал. Юля получила необходимый ей покой.

Мы развелись.

А на крыльце загса Юля сообщила мне то, что меня уничтожило, разорвало на ошмётки: ребенка больше нет. В тот момент я почувствовал, как остановилась жизнь. Из легких воздух выбило, внутренности скрутились в тугий узел, сердце перестало биться.

— Нет больше никакого ребенка! По твоей вине нет! Это ты его убил! Ты... Почему ты ни разу за месяц не поинтересовался, как я? Ушел и забыл. Прощай, Матвей. Ты убил нашего ребенка... Я потеряла ребёнка по твоей вине. Живи теперь с этим...

Моя душа умерла в тот миг, когда Юля выкрикнула эти слова. В грудь вонзился острый клинок и убил во мне все живое. Я смотрел вслед убегающей по ступенькам загса Юле и понимал: не живу больше.

Не знаю, сколько я там еще простоял под снегом. Меня привела в чувство свадьба. Из загса вышла толпа людей, жених нёс на руках невесту, у кого-то из гостей хлопнула бутылка шампанского, кто-то другой закричал: «Горько!». Я смотрел на них, счастливых, и вспомнил нашу с Юлей свадьбу. Мы в тот день были такие же радостные, я тоже нёс Юлю из загса на руках.

— Мужчина, можно попросить вас отойти чуть в сторону? Мне надо сделать фотографию молодожёнов, — обратился ко мне фотограф.

— Да, конечно, — пришел в себя.

Я быстро спустился по ступенькам и зашагал к машине. Работать не получалось, в ушах звенели слова Юли, из рук все валилось. Она сказала, что съехала с моей квартиры. Я поехал

домой и увидел у двери груды своих посылок: корзины с фруктами, шоколад ручной работы, завядшие цветы. Юля их не получила, потому что переехала к себе, а я и не знал.

Я не смог жить в нашей квартире. Все слишком сильно напоминало о Юле. Купил себе новую, а эту закрыл и никогда в нее больше не приезжал. Моя жизнь скатилась в серую обыденность. Дом — работа. Иногда встречался с друзьями. Рассказал им, что развёлся, они стали меня поздравлять, но, наткнувшись на мой колючий взгляд, быстро замолчали и сменили тему.

За три года в моей жизни не было ничего кроме работы. А работать я стал еще больше. Наверное, чтобы сбежать от реальности. Юлю я не искал. Зашёл один раз на ее страницу в соц-сети, увидел, что она добавила меня в черный список, и больше не интересовался ею. Общих друзей и знакомых у нас не было, так что узнавать о ней новости от третьих лиц я не мог. Тем лучше. Нас ничего больше не связывало.

Я не хотел ее возвращать. Не понимал, для чего. Она винит меня в смерти нашего неродившегося ребенка. Я тоже себя виню. Не надо было подавать на развод, не надо было уходить. А что надо было? Не знаю. Наверное, надо было бросить работу, закрыть фирму и сидеть 24/7 возле Юли. Тогда бы выкидыша не произошло.

Юля ненавидит меня лютой ненавистью, а я просто чувствую колоссальную усталость. От всего. Поэтому искать Юлю, возвращать ее? Нет, не хотел. Пытаться узнать, что у нее в жизни? Тоже не хотел. Только лишний раз бередить рану. Решил: пускай живет как хочет. Надеюсь, теперь она спокойна. Надеюсь, со вторым мужем ей повезёт больше, чем с первым.

Сам я новых отношений ни с кем не начал и не хочу. От одной только мысли о том, чтобы серьезно встречаться с девушкой, у меня дергается глаз. Мне комфортно одному. Какие-то ничего незначущие связи периодически случаются, но так же быстро заканчиваются, как начинаются. В моей жизни только работа, работа, работа. И воспоминания о Юле. Как ни удивительно, по большей части хорошие. С годами плохое забылось, стерлось. Осталась светлая грусть. А еще щемящее чувство где-то глубоко в сердце, когда на улице встречается девушка, чем-то похожая на нее.

Я не думал, что еще когда-нибудь увижу Юлю. Каким же было мое удивление, когда я купил разорившуюся компанию-конкурента и встретил здесь ее. Она не изменилась. По-прежнему самая красивая из всех. На каждом гребанном совещании мне приходится бороться с желанием любоваться ею.

Юля очень ответственная, старательная. Такой она была, когда мы познакомились: прилежной студенткой-отличницей. И на работе она прилежная отличница. Во всем, что касается Юлиной зоны ответственности, полный порядок, хотя, когда я покупал компанию, ожидал увидеть бардак в цифрах. Но у Юли все по полочкам, все акты закрыты вовремя, никаких тянувшихся годами задолженностей. Есть некоторые проблемы в бухгалтерии, но они не по вине Юли, а по вине руководителя, который не умеет вести бизнес и довёл фирму до того состояния, в котором она находится.

Мне это рассказала мой главбух Антонина. Сам я решил Юлю к себе не вызывать и ограничиться только встречами на общих совещаниях. Меня аж гордость за Юлю взяла, когда Антонина стала ее хвалить. И с уколom в сердце лишний раз осознал: порознь нам лучше, чем вместе.

Именно это я думаю сейчас, глядя на Юлино заявление об уходе. Порознь нам лучше, чем вместе. Я не собирался искать Юлю, не собирался возвращать в свою жизнь, так почему рука не поднимается подписать ее заявление? Встаю с кресла, отхожу к окну. Там уже темно, идет снег. Смотрю на тусклый свет фонаря.

Волею судьбы Юля вернулась в мою жизнь, и у меня ни идеи, что делать. Может, наша случайная встреча — это знак свыше?

Да ну, ерунда какая-то. Не верю я ни в какие знаки свыше. Возвращаюсь обратно за рабочий стол и решительно подписываю. Потом звоню начальнице отдела кадров и прошу зайти ко мне.

— Да, Матвей Алексеевич, — тучная женщина в годах неуклюже переваливается с ноги на ногу.

— Юлия Полетаева увольняется. У нее отпуск с последующим увольнением. Возьмите, — протягиваю кадровичке бланки. — Подготовьте Полетаевой документы. Она заберёт их через две недели.

Где-то глубоко в груди ноет. Каждое слово дается с трудом.

— Надо же, увольняется? — удивленно смотрит на заявление поверх очков. — И куда же это она, интересно.

— Юлия хороший специалист, думаю, без работы не останется.

— Ну не знаю, кто ее с маленьким ребенком возьмёт. Хотя, может, опять утаит на собеседовании. Хорошо, Матвей Алексеевич. Все сделаем, — кадровичка разворачивается к двери, а я сижу словно громом поражённый.

— Подождите, — останавливаю ее не своим голосом.

Женщина оглядывается.

— Да, Матвей Алексеевич?

— Что вы сейчас сказали?

— Сказала, что оформим увольнение Полетаевой.

— Нет, до этого. Про ребенка.

Я чувствую, как у меня кровь отлила от лица. По позвоночнику ползёт холодная капля пота.

— Я про ребенка Полетаевой. У нее совсем маленькая девочка. Юля к нам беременной устроилась и не сказала об этом на собеседовании, представляете? А потом «осчастливила» всех уходом в декрет. Как по мне, так с маленьким ребенком лучше никуда не дергаться. Не все горят желанием брать на работу женщин с маленькими детьми. Но если Полетаева обманула на собеседовании раз, обманет и второй. Хотя сейчас сложнее, ребенок вписан в паспорт. Ну я пойду, Матвей Алексеевич? Хорошего вам вечера.

— Идите, — хриплю.

За кадровичкой закрывается дверь. Я с силой сжимаю в пальцах ручку. На весь кабинет звучит ее треск.

Глава 21. Она знала, как меня убить

Матвей

Я сижу как пришибленный и пялюсь в одну точку на белой стене. В висках пульсируют слова кадровички:

«У нее совсем маленькая девочка. Юля к нам беременной устроилась и не сказала об этом на собеседовании, представляете? А потом «осчастливила» всех уходом в декрет».

Я не могу поверить в эти слова, хотя они прозвучали четко и ясно. При каждой мысли о том, что Юля родила ребенка, меня прошибает холодным потом.

«Да ну, нет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.